

ДЕТИ ПРИЛИВА

СТРУАН МЮРРЕЙ

Струан Мюррей

Дети прилива

Серия «Сироты моря», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67302356
Струан Мюррей Дети прилива:
ISBN 978-5-04-166808-2

Аннотация

Для жителей Города обычное дело находить на улицах рыб и крабов, ведь море постепенно пожирает Город, с каждым приливом поднимаясь всё выше и выше. Но тем серым утром, когда прилив отступил, на крыше часовни обнаружился кит. Горожане всполошились. Как он туда заплыл? Как его будут снимать? Не дурное ли это предзнаменование?

Элли, сирота и изобретательница, единственная рискнула подойти к мёртвому гиганту. И обнаружила внутри него... мальчика. Живого, с виду совершенно обычного мальчика, который, однако, повёл себя странно – не знал, что Город единственный, и твердил о своих братьях и сёстрах... Власти Города решили, что это уж точно дурное предзнаменование и приговорили незваного гостя к смерти. Ведь ничто хорошее не может появиться ТАК, а значит, людям грозят несчастья.

Но Элли, единственная из всего Города, против. Она готова приложить всю свою изобретательность и даже рискнуть собственной жизнью, чтобы спасти незнакомца.

Почему она так поступает?

Содержание

1	8
2	16
3	31
4	43
5	59
6	73
7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Струан Мюррей

Дети прилива

Struan Murray

ORPHANS OF THE TIDE

Original English language edition first published
by Penguin Books Ltd, London

Text copyright © Struan Murray 2020

The author has asserted his moral rights

All rights reserved

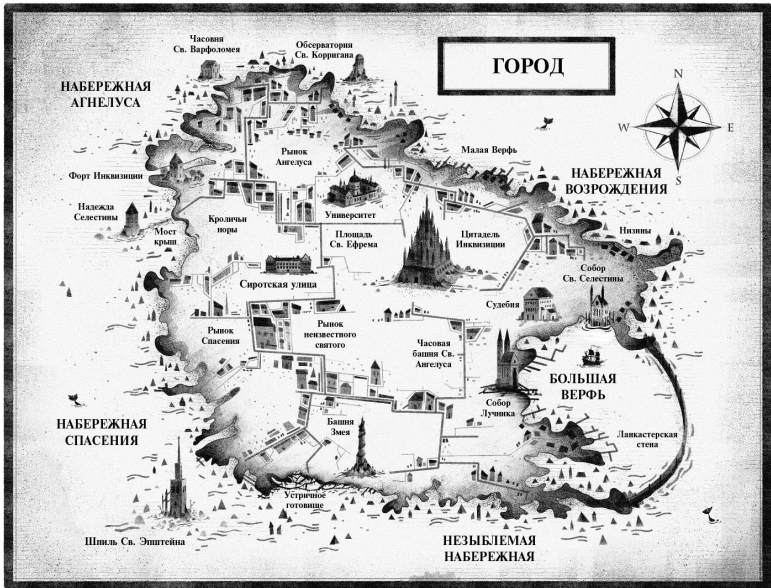
Разработка серийного дизайна Бориса Протопопова

© Скляр М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

НАБЕРЕЖНАЯ
АГНЕЛУСА

Форт Инквизиции

Навсегда
Селестины

НАБЕРЕЖНАЯ
СПАСЕНИЯ

Шпиль Св. Эмштейна

Часовня
Св. Варфоломея

Обсерватория
Св. Корригана

Рынок
Ангелуса

Университет

Площадь
Св. Ефрема

Сиротская улица

Рынок
Спасения

Рынок
неизвестного
святого

Часовая
башня Св.
Ангелуса

Башня
Эмса

Устричное
готовище

Малая Верфь

НАБЕРЕЖНАЯ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Насилие

Собор
Св. Селестины

Судобия

БОЛЬШАЯ
ВЕРФЬ

Собор
Лучника

Лавкастерская
стена

НЕЗЫБЛЕМАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ

1

Его последняя песнь

Город был построен на пике, невообразимым образом взметнувшемся вверх из моря, и море не оставляло попыток отвоевать его. Поднимающийся прилив заглатывал нижние улицы Города. А отлив, откатывая, выплёвывал их обратно, оставляя, однако, свой след. Свежие моллюски лепились к подоконникам. Рыбы бились на каменных мостовых. Тем серым утром, когда море отступило, на крыше обнаружился кит.

Народ толпился вдоль мола и глазел на крышу ярусом ниже.

— Это дурное предзнаменование! — вскричал старый проповедник, клубы пара от его дыхания вились в воздухе.

— Ну, не Враг же это сделал, — фыркнул моряк. — Должно быть, его прибило туда приливом.

— Он мёртв, — сказал торговец. — Как полагаешь, сможем мы продать его мясникам?

Кит лежал на брюхе, протянувшись от одного конца крыши до противоположного. Он выбросился на часовню Св. Варфоломея, крыша которой во время отлива торчала над волнами. Четыре каменные горгульи стояли каждая на своём углу, и две из них хищно впились в кожу кита. Голодные чайки с криками носились над ним.

Толпа была настолько поглощена зрелищем, что никто не заметил появления девчонки. У неё были усталые глаза и спутанные и грязные русые волосы, взъерошенные после дурно и почти без сна проведённой ночи. Она перегнулась через парапет мола, закусив губу.

— Он такой большой, что не может находиться вне воды, — сказала она, обращаясь больше к себе самой, чем к кому-либо ещё. — У него разорвались лёгкие просто от лежания тут.

Крохотный мальчонка в ужасе посмотрел на неё круглыми глазами. Он теснее прижался к матери, с опаской поглядывая на девочку. Лицо у неё было бледное, на щеке три царапины, и от неё слегка воняло фейерверками. И, того хуже,

она была одета, как мужчина, причём даже не добропорядочный. Она замоталась в истрёпанный красный шарф и утопала в бушлате с капюшоном, сшитом из потрёпанной материи и тюленьей кожи.

– К-кто ты? – спросил мальчонка, губы его подрагивали.

– Я Элли, – рассеянно отозвалась девочка, роясь в карманах. Она вытащила увеличительное стекло, затем луковицу и, наконец, перочинный ножик с острым как бритва лезвием. Мальчик взял мать за руку.

– Если в скором времени не взрезать кита, – сказала Элли, подняв нож, – он взорвётся.

Мальчишка начал плакать.

– Придержи язык, девчонка! – одёрнула её мать мальчика.

– Да нет же, правда, взорвётся! – сказала Элли, взмахнув руками. – Мёртвые киты начинают разлагаться изнутри. Внутри начнут скапливаться газы, а это опасно.

Мать отвернулась и закрыла рот ладонью.

– Знаю, знаю, – сказала Элли. – Кишки повсюду. А уж вонь будет такая, что мало не покажется! Хм, – прибавила она, уставившись на перочинный нож. – Не лучше ли, пожалуй...

Элли повернулась ко второй девочке, стоявшей позади неё. На беглый взгляд она была тех же лет – двенадцати или тринадцати, с копной выющихся рыжих волос. Огромный голубой шерстяной свитер, тяжёлые чёрные башмаки и скучающее выражение на лице.

– Анна, мне нужно, чтобы ты сбегала в мастерскую и принесла мою фленшерную лопату¹, – сказала Элли.

– Что такое фленшерная лопата? – позёвывая, спросила Анна.

– Острое лезвие на конце длинной жерди, – объяснила Элли. – Она висит на чердаке, за книжными шкафами, между телескопом и ружьём.

– У тебя есть ружьё? – с неожиданным интересом спросила Анна, подавшись вперёд. – А пули есть?

– Поспеши, будь добра! – прикрикнула Элли, и Анна, закатив глаза, поплелась вверх по улице.

Элли вскочила на мол, а затем спрыгнула с другой стороны. Когда, пролетев метра три, она приземлилась на крышу часовни, толпа ахнула.

– Что она вытворяет? – воскликнула женщина.

Элли пошла по крыше, вытянув для равновесия руки в стороны, словно канатоходец. Глаза кита были закрыты, веки испещрены морщинами и складками, как у старика. Девочка встала на колени и осторожно провела рукой по китовому боку. Шершавая кожа была усажена белыми балянусами² и изрезана перекрещивающимися шрамами.

– Что здесь происходит? – раздался голос сверху. Элли

¹ Фленшерная лопата – резак для разделки китовых туш, действительно по форме напоминает лопату, насаженную на очень длинную рукоять.

² Балянусы, или морские жёлуди – усонogie рачки, чья известковая раковина напоминает жёлудь.

подняла глаза и увидела, как через толпу проталкивается парень из городской стражи, долговязый и лопоухий, в чёрном плаще поверх тёмно-синего кителя.

– Там на крыше кит, – сказала какая-то женщина.

– И вон к нему девчонка спустилась, – добавила другая.

– Что? – воскликнул стражник, и тут он посмотрел вниз и увидел на крыше Элли. – Что... что она делает? – Он хлопнул себя ладонями по голове. – Осторожно, мисс! Этот кит вас слопаёт!

– Киты не едят людей, – со вздохом сказала Элли, но никто её не услышал. Все наперебой силились перекричать друг друга.

Массивное китовое тело под её рукой поднялось и опало, как будто в судорожном вздохе.

Он ещё жив!

Элли огляделась по сторонам, гадая, не удастся ли столкнуть кита обратно в воду. Корабль, пожалуй, мог бы стащить его с крыши, но только с наступлением прилива, а до него ещё несколько часов.

– Прости, – шепнула она. – Увы, я ничем не могу тебе помочь.

Но едва она заговорила, ей почудилось, будто из китового нутра доносится слабый звук. Толпа гомонила так, что невозможно было сказать наверняка.

– Отойди от него! – орал стражник, хотя сам спуститься вниз боялся.

– Думаю, тебе нужно её оттащить.

– Эй, кто-нибудь, позовите Инквизицию!

– Пожалуйста, я пытаюсь слушать, – сказала Элли.

– Проповедник говорил, что киты дышат пламенем.

– Пожалуйста! – завопила Элли, но никто не обратил на её слова никакого внимания. Она вытащила из кармана какое-то устройство размером с монетку, завернутое в пожелтевшую бумагу. Резким движением кисти она шваркнула его об мол. Раздался треск, грянула вспышка, и дебош отчаянно голосащих чаек разлетелся. Толпа отшатнулась, прикрывая глаза руками и смолкнув в ошеломлении.

Элли воздела руку.

– Слушайте, – сказала она.

И все прислушались.

И в тишине они слышали накатывающий звук.

Это был кит.

Кит пел.

Звук вздымался и опадал монотонными и мелодичными раскатами, резонирующими из самого нутра животного. Элли доводилось слышать, как поют киты, но только не над водой. Она полагала, что это какой-то элемент брачных игр, но вот перед ней лежал умирающий кит и пел, невозможно даже представить кому.

Все слушали с благоговением, минута за долгой минутой.

А затем кит открыл один глаз.

– Невероятно, – прошептала Элли. Глаз был тёмно-синий,

как холодное море. Он смотрел прямо на неё – в этом девочка могла поклясться, – и она забыла обо всём, кроме его взгляда и этой песни. В эти несколько дивных мгновений глубокая нутряная боль будто бы отпустила её.

Песня делалась всё тише, словно уплывая за горизонт. Глаз закрылся. Хвост перестал шевелиться.

И всё смолкло, даже море.

– Я принесла! – торжествующе провозгласила Анна, складывая себе дорогу к молу, подняв высоко над головой фленшерную лопату. Народ повернулся и уставился на неё. – А что такого? – спросила она, протянув лопату Элли черенком вперёд.

– Что ты хочешь сделать? – выкрикнул стражник.

Элли указала на брюхо кита.

– Мне придётся взрезать его ближе к хвосту. Таким образом газы не будут накапливаться внутри туши.

Элли упёрла лезвие в одну из борозд, продольно пересекавших белое брюхо кита, и нажала. Кожа была крепкая и толстая, и скоро от усилия у неё выступил пот. Наконец лопата взрезала кожу, и Элли едва удержалась на ногах, когда лезвие погрузилось в мягкие внутренние органы. Зловонный запах поднимался из раны, и Элли задержала дыхание. Она провела фленшерной лопатой вверх и вниз, взрезая бок животного. Плоть разошлась, из отверстия вывалились пурпурные кишки.

– Ого, только погляди, сколько кровищи, – вскрикнула

Анна. – Можно и мне попробовать?

– Пахнет ужасно, – сказала Элли. – Но если ты хочешь. Только...

Она осеклась.

– Анна, что такое? – спросила она.

Лицо Анны исказилось, глаза недоверчиво вытаращились.

– Спаси и помилуй, – пробормотал стражник, зажав рукой рот.

По толпе пробежал растерянный шёпот. Одна пожилая дама закричала. По неведомой причине Элли почувствовала, что не в силах шевельнуться.

Она закаменела. Фленшерная лопата выскользнула у неё из рук и упала. Она посмотрела вниз.

Что-то схватило её за щиколотку.

Костлявое, дрожащее, липкое от крови.

Рука, выскользнувшая из взрезанного кита.

2

Из чрева кита

Старик проповедник потряс в воздухе кулаками.

– Оный вернулся, – завизжал он и помчался вдоль мола к забирающим вверх улицам. – Враг вернулся!

– Ох, нет, ох, нет, ох, нет, – твердила женщина, сжав висящий на груди символ св. Селестины. Юноша без чувств упал на мостовую.

– П-пожалуйста, сохраняйте сп-покойствие, – заикаясь, распорядился стражник. – Нет причин паниковать!

Элли же была способна лишь на одно – таращиться на руку.

Та вцепилась в её щиколотку леденяще холодной хваткой. Когда девочка отдёрнула ногу, ладонь тяжко хлопнула о черепицу, оставив на носке кровавый отпечаток. Элли сглотнула и встала на колени, чтобы рассмотреть ладонь и руку, к которой она присоединялась. Ладонь шарила по крыше, словно ища, за что можно схватиться. Поджарая и жилистая рука уходила в тело кита и исчезала между мясистыми пурпурными органами.

– Эй!

Обернувшись, Элли увидела, что Анна перелезает через парапет мола.

– Стой! – закричал стражник, протискиваясь сквозь толпу по направлению к Анне. – Ну-ка вернись! – Он рванулся к ней и сумел схватить за шерстяной свитер.

Элли дотронулась до руки кончиком пальца. Она дёрнулась прочь, как пугливый зверёк. Элли сделала глубокий вдох, а затем схватила руку. На ощупь она была липкая и словно покрытая струпьями. Упёршись пятками в крышу, девочка потянула.

Рука перестала вырываться, пальцы её переплелись с пальцами девочки. Элли не хотела тянуть слишком сильно, опасаясь того, что человек может застрять, зацепившись за что-то внутри. Но предплечье появилось без труда.

Затем появилось плечо, тоже худое и окровавленное.

Затем спутанные чёрные волосы. Голова. Лицо.

Мальчик, жадно ловящий ртом воздух.

Толпа слаженно вскрикнула. Анна вывернулась из рук стражника, прыгнула с мола и сползла к Элли. Она изумлённо уставилась на мальчика.

– Что это?

Мальчик вывалился на крышу, следом за ним протянулись китовые кишки. Он был совершенно голый.

– Ты умираешь? – спросила Элли, передёрнув плечами. Его глаза были закрыты, и, похоже, он не мог дышать. Его открытый рот захватывал воздух, но можно было подумать, что он прежде не сделал ни единого вдоха.

– Я думаю, он умирает, – сказала Анна.

– Посмотри на меня! – велела мальчику Элли. – Открой глаза!

Но он просто метался из стороны в сторону, нескладно раскинув руки и ноги. Элли придавила плечи мальчишки, чтобы удержать его на месте. Кожа была липкой и пахла железной стружкой.

– Держи его за ноги! – крикнула она, и Анна плашмя навалилась на лежащие ноги. Элли уселась ему на грудь, и его ногти слепо цеплялись за её бушлат. Скривившись, она положила ему на веки подушки большого и указательного пальцев и подняла их. Глаза таращились ввысь и закатывались, как у обезумевшей от запаха крови акулы.

– Посмотри на меня, – сказала Элла.

Мальчик зарычал.

– Посмотри на меня!

Его глаза дёрнулись вниз, взгляд нашёл её. Элли ахнула. Серо-голубые. Цвета морозного моря.

Она с силой заморгала, пытаясь собраться с мыслями.

– Послушай, – сказала она как можно более спокойным голосом. – Мне нужно, чтобы ты повторял за мной.

Она медленно вдохнула через нос, преувеличенно при-свистывая, и прижала руку к груди, чтобы показать, как она вздымается и опускается. Она тихонько выдохнула через рот, глядя, как он пытается скопировать то, что она делает. Но его ноздри разве что неуверенно вздрогнули. Не сработало.

– Держи его ровно, – велела она Анне. Она встала рядом с мальчиком на колени и зажала ему нос, не отпуская пальцев, даже когда он яростно затряс головой. Она прижалась губами к его губам и выдохнула полной грудью ему в рот.

Женщина на молу завизжала.

– Что вы делаете! – закричал стражник. Он наконец сумел сползти на крышу, но стоял столбом, парализованный страхом. Элли подняла голову, чтобы сделать вдох, затем снова прижала рот ко рту мальчика. Всё это время он не сводил с неё круглых глаз. Сделав третий глубокий вдох, она поделила с ним выдох, а затем четвёртый и пятый.

А когда она сделала шестой вдох, рот мальчика открылся, и он втянул воздух, наполняя до краёв лёгкие. Элли от об-

легчения рассмеялась. Поначалу мальчишка дышал глубоко и прерывисто, затем его дыхание ускорилося, он стал жадно глотать воздух.

– Помедленнее, – предостерегла его она и, чтобы напомнить ему, сама задышала медленно. – Вот так. А теперь встань и положи руки на бёдра, смотри, как я делаю. Это откроет твои лёгкие.

Он напряжённо смотрел на неё, на лице его застыло резкое и угрожающее выражение. Постепенно он, казалось, понял её и упёр руки в бёдра. Элли опустила взгляд, чтобы проверить, что он всё делает правильно, и тут же закрыла глаза руками.

– Извини! – сказала она. Она забыла, что он голый. – Э... э... Кто-нибудь, принесите нам полотенце!

Толпа отшатнулась. Молодой стражник таращил глаза на кровь, и лицо его делалось всё более пепельным. Элли вздохнула и сняла с шеи шарф.

– Вот, – сказала она. – Ты можешь обернуть этим... свою талию.

Мальчик уставился на полотнище, растерянно моргая.

– Я сделаю это! – сказала Анна,хватила шарф из рук Элли и подбежала к нему.

– Анна, будь осторожна!

Глаза мальчишки вспыхнули, он прыгнул к Анне, схватил за плечи и оттолкнул. Анна налетела на Элли, а мальчик пошатнулся. Ноги, похоже, плохо держали его.

– Прочь! – хрипло проорал он и привалился к киту.

– Ты можешь говорить! – вскричала Элли, помогая Анне подняться на ноги.

Мальчик поднял Эллин шарф. После мгновенного колебания он обернул его вокруг талии и завязал на боку.

– Как ты... – Элли запнулась. – Что ты делал... Почему ты был внутри кита?

Но мальчишка не слушал. Он обернулся и глядел на разрез на туше кита, очевидно, совершенно не смущаясь запахом. Он заметил толпу, в ужасе уставившуюся на него. По телу его пробежала дрожь, и Элли вспомнила, какой холодной на ощупь была его кожа.

Выцветший синий китель шлёпнулся у её ног. Молодой стражник стоял на отдалении нескольких метров. Он старательно отводил глаза от покрытого кровью мальчика, крепко зажимая рот ладонью.

– Спасибо, – сказала Элли. Она подошла к мальчику, и тот напрягся и сжал кулаки. Она сделала ещё один шаг, выставляя куртку перед собой. Он был худой, но выглядел поджарым, с каждым вздохом грудь его взымалась. Элли осторожно подошла к нему сбоку и накинула китель ему на плечи.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Мальчик открыл было рот, закрыл его и, казалось, был смущён тем, что при этом не прозвучало ни слова.

– Я думаю, нам стоит назвать его Сиф, – сказала Анна.

– Он не щенок, – запротестовала Элли.

– Это хорошее имя. Звучит, как прибой.

Элли пожала плечами.

– Что ж, пусть так, сгодится, пока ты не вспомнишь своё настоящее имя. А моё имя – Элли, – прибавила она. – Элли Ланкастер.

Она протянула мальчику руку для рукопожатия, но он устоял на ней, никак не ответив на жест.

– Так, давай сотрём с тебя китовую кровь. – Элли достала из кармана носовой платок и смочила его водой из своей фляги. – Ты не против? – спросила она, поднеся платок к лицу мальчика.

И снова он ничего не стал делать, и Элли истолковала его бездействие как знак согласия. Аккуратными движениями она протёрла его лоб, щёки, подбородок, явив лицо мальчика примерно одних лет с ней и Анной. В чертах его не было изъяна, кроме крохотных морщинок в уголках глаз, будто он часто улыбался, и одной единственной морщины, пробежавшей по лбу, будто и хмурился он тоже нередко. У него были густые чёрные брови и спутанные и влажные от крови чёрные волосы. У него был нос с горбинкой, широкие скулы и кожа цвета гречишного мёда. Его глаза цвета моря пристально глядели на Элли, и девочка чувствовала, что не может отвести взгляд.

Анна толкнула её плечом.

– Уф! Ладно, э, нам нужно отвести тебя в какое-нибудь

тёплое место.

Мальчик поглядел на свои руки.

– Где я? – спросил он. Голос у него был, как наждачная бумага.

– На набережной Ангелуса³, – сказала Анна.

– Набережной... – повторил он. – Набережная чего?

Похоже, у мальчишки в голове всё спуталось.

– Города.

– Какого города?

Элли уставилась на него в смятении и даже испуге. Город был один.

Она указала вверх, чтобы он посмотрел на высящийся над их головами Город. Горообразное нагромождение древних зданий, кишасщее крикливыми чайками. Взгляд мальчика скользнул по трубе, по горгулье, вдоль поднимающихся зигзагом улиц и лестниц, прорезанных с вершины горы до самого моря. Он поглядел в сторону горизонта и тут вздрогнул.

– Что это за шум? – спросил он. – Откуда исходит этот шум?

Он зажал ладонями уши и стиснул зубы. Анна и Элли переглянулись.

– Где мои братья и сёстры? – спросил он.

– Э... – Элли почесала в затылке. – Я... я не знаю...

³ Ангелус – католическая молитва, получившая название по первым словам: «Ангел Господень возвестил Марии...».

На молу началась какая-то суматоха. Элли слышала, как старик проповедник спускается с верхних ярусов улиц, самодовольно и пронзительно голося.

– Это Враг! – вопил он. – Я как раз проводил похоронную службу в церкви Св. Горация, понимаете, магистр инквизитор, когда услышал весь этот гвалт.

– Что происходит? – спросил Сиф.

– Сюда идёт Инквизитор, – промолвила Элли, нервно ковыряя прореху в рукаве бушлата. – Но не переживай, всё обойдётся. Если только это не...

Народ расступился. Торопясь отойти от вновь прибывшего, люди налетали друг на друга.

– О нет, – проговорила Элли.

Мужчина мощного телосложения появился на молу, возвышаясь над всеми окружающими. На нём была чёрная шинель из тюленьей кожи, спадавшая до щиколоток, на груди – серебряная цепь. У него были крепкая шея и широкие плечи, а бледное одутловатое лицо омрачала тень давно утраченного благообразия. Глаза у него были бездонные, чёрные, как пропасть, и совершенно ничего не выражающие. Он выглядел как мертвец, которому даже смерть была нипочём.

Сиф поднял одну бровь.

– Кто это?

– Это... – У Элли пересохло во рту, – Инквизитор Харграт.

– Я как раз прибыл на место, – продолжал верещать про-

поведник, — когда этот мальчик выкатился из кита. Сие может быть лишь делом рук Врага.

— Замолчи, — пророкотал Харграт. — Это мне судить.

Плешивый карлик упал перед Харгратом на колени.

— Святой Киллиан! — вскричал он. — Сохрани нас!

— Встань на ноги, — отрезал Харграт. — Я ещё не святой.

Только мёртвые могут быть святыми.

Он сиганул через мол, и его чёрные башмаки проскревели по черепице, когда он приземлился на крышу. Его взгляд метнулся от Сифа к дыре в теле кита и обратно.

Он сделал два шага в направлении Сифа, но затем на мгновение замер и немного отступил назад. Странно было видеть, как этот чудовищной наружности мужчина заколебался перед лицом тощего, едва одетого мальчишки, и всё же Элли была почти уверена, что в мёртвых глазах Харграта промелькнул страх. Правой рукой Харграт неосознанно потёр пустой левый рукав своей шинели, который был сложен пополам вдоль тела и сколот серебряной булавкой. Руку, что должна была находиться в этом рукаве, он потерял уже давно.

— Чего тебе нужно? — спросил Сиф. Говорил он как взрослый, серьёзным и властным тоном.

— Что ты делал внутри этого кита? — спросил Харграт.

— Сэр. Мальчик не сделал ничего дурного, — поспешно встряла между ними двумя Элли. — Он застрял внутри этого кита, и мне пришлось его вызволить.

Харграт будто и не слышал Элли, да и не видел её вовсе. Его глаза бесстрастно скользнули по Сифу, можно подумать, мясник примеривается, как лучше разделать тушу.

– Ты видишь его, мальчик? – негромко прорычал он.

Сиф нахмурился.

– Вижу кого?

– Врага.

– Кого?

– Бога, Потопившего Богов. Оный ведь говорил с тобой, так? Это ведь оный спас тебя из этого кита?

– Это я спасла его из чрева кита, – сказала Элли. Но Харграт по-прежнему не обращал на неё никакого внимания.

– Только Сосуд способен выжить внутри кита, – провозгласил он.

– Что такое Сосуд? – спросил Сиф.

– Ты, – отвечал Харграт.

– Это просто смешно, – сказала Элли. – Что Сосуду делать внутри кита?

Рука Харграта скользнула к рукояти меча. Элли резко втянула носом воздух. Тело Сифа напряжённо застыло, руки сжались в кулаки.

Харграт потянулся мимо меча в карман шинели. Он достал небольшой пистолет, и Элли едва успела вскрикнуть, как он нацелил его на Сифа и нажал на курок.

– Нет!

Звука ружейного выстрела не было, только хлёсткое ши-

пение, и что-то с глухим толчком воткнулось в шею Сифа. Сиф схватился за металлический дротик, торчавший из плоти почти на десяток сантиметров. Он упал на колени. Элли подхватила его, но он тяжело обмяк, глаза его закрылись, и он выскользнул у неё из рук и упал на черепичную крышу.

– Что вы с ним сделали?! – закричала она, прижав два пальца к шее мальчика, сразу под подбородком, чтобы проверить пульс.

Харграт вернул пистолет обратно в карман.

– Это успокоительное, – сказал он. – Величайшее изобретение твоей матери. Если Сосуд находится без сознания, он не может попросить Врага спасти его, пока мы сжигаем его на костре.

У Элли скрутило живот.

– Он не Сосуд, – сказала она. – Вы совершаете ошибку.

– Не испытывай моё терпение, Ланкастер. – Он отпихнул Элли от Сифа, подбежавшая Анна подхватила её. Харграт с лёгкостью поднял Сифа одной рукой, перекинул через плечо и зашагал обратно к молу. Элли побежала вдогонку, сердце её колотилось.

– Это неправильно! Он никакой не Сосуд, он просто мальчишка. Вы... вы перетрусили из-за маленького мальчика! Трус!

Харграт остановился. Он посмотрел вверх на столпившихся людей, которые следили за ним, зажав рты руками. Он без церемоний уронил Сифа перед собой, и толпа подскочи-

ла, словно мальчишка был подожжённой петардой. Развернувшись на месте, он зашагал к Элли. Выбросив вперёд руку, он схватил её за шею и заставил отступить к самому краю крыши.

– Тебе никогда не доводилось лицезреть Врага, дитя, – сказал он, приподняв её, так что они оказались нос к носу. – Но мне довелось. Я видел, как оный выметнулся из Сосуда. Оный оторвал мою руку, хотя я в тот самый миг пронзил мечом горло одного. А мои друзья пали за смертью вокруг меня. Я вижу это до сих пор, стоит только закрыть глаза. А самое худшее... что я знал его, тот Сосуд. Это был хороший человек, добрейшей души. Однако из него явилось кошмарное существо.

Харграт ещё крепче сдавил шею Элли. Она отчаянно хлестала его руку, кашляя и пытаясь вздохнуть.

– Любой может быть Сосудом, – сказал он.

Краем глаза Элли увидела, как Анна налетела на Харграта, но, отброшенная простым толчком плеча, полетела кубарем. Перед глазами у Элли замелькали белые точки. Мысли её спутались.

– Любой. Маленький мальчик. Маленькая девочка. И я убью любого из них, чтобы сохранить Город.

С этими словами он улыбнулся и сбросил её в море.

Из дневника Клода Хестермейера

После похорон я не знал, чем себя занять. Я вышел из собора Св. Горация и вернулся пешком в мой пыльный кабинет в университете – кабинет, который мы делили с Питером. Я сел за свой стол и не мог отвести глаз от его пустого кресла. Моё сердце сжалось, сделавшись твёрдым зелёным яблоком в моей груди.

Я был так растерян, что не сразу заметил мужчину, стоявшего в дверях. Лица его я не мог разглядеть. Отчего-то на нём была чёрная вуаль.

– Прошу прощения, – обратился я к нему. – Я ценю, что вы пришли принести свои соболезнования, но я сказал всё, что мог, на похоронах Питера. А теперь я прошу оставить меня в покое.

– Профессор Клод Хестермейер, – глубоким голосом проговорил мужчина.

– Да, это моё имя, – отвечал я. – То, что вы его знаете, не извиняет того, как грубо вы ворвались в мой кабинет.

– Ты не узнаёшь мой голос?

Нет, я не узнавал, однако я заметил, что пальцы мои дрожат, а по спине пробежал холодок.

– Сэр, боюсь, я должен настоять на том, чтобы вы оставили меня одного, – потребовал я.

– Данное соглашение не позволяет подобного, – сказал мужчина.

– Соглашение? Какое соглашение? Это какая-то

недобрая шутка? Питера Ламбета сегодня кремировали – имейте же совесть!

Горячие слёзы пролились по моим щекам. Я встал и обошёл свой стол, подготовившись при необходимости применить силу. Но прежде чем я подошёл к мужчине, тот отбросил вуаль с лица.

Карандаш, который я сжимал в руке, переломился.

Передо мной стоял мой дорогой друг Питер Ламбет.

3

Мальчишка в зелёном камзоле

Сверху до Элли доносились далёкие крики. Морская вода наполнила её рот.

Падая, она задела ногой край крыши, разорвав штаны и ссадив кожу. Её передёрнуло, когда морская соль разъела ранку.

Она заглянула в мутные глубины. Призрачные шпили и крыши маячили во мраке, словно подводный горизонт. Большая часть Города давным-давно ушла под воду.

Элли, барахтаясь, пыталась подняться к поверхности, но её тяжёлый бушлат тянул её вниз. Она обругала саму себя – вечно карманы полны всякой всячины! Она набивала их гачными ключами и компасами, телескопами и маслёнками, перочинными ножами и спичками. Дымовая шашка и карманные часы проплыли мимо её головы. Она собиралась уже вывернуться из бушлата, когда услышала зычный и влажный шлепок. Она подняла голову, и сердце её радостно ёкнуло.

Древко фленшерной лопаты!

Откуда только силы взялись! Элли схватила рукоять, и тотчас её потащило вверх. Звуки надводного мира оглушили её, неожиданный свет слепил глаза. Пока она отплёвывалась и хватала ртом воздух, кто-то втащил её на крышу часовни.

– Элли, – воскликнула Анна, рухнув рядом с ней. Тут же был и молодой стражник, сжимавший в руках фленшерную лопату.

– Харграт забрал мальчишку, верно? – проговорила Элли. Она закашлялась, из уголка губ потекла струйкой морская вода.

Анна кивнула. С немалым усилием Элли поднялась на ноги.

– Элли, сядь, или ты сблюёшь, – сказала Анна, торопливо отступив назад.

Но Элли замотала головой. Она утёрла рот тыльной стороной ладони, и, пошатываясь, шагнула вперёд, волоча окоченевшей одеждой. Она протянула руку стражнику.

– Спасибо, что спас меня.

Стражник опасливо поглядел на протянутую ладонь. Это была та рука, которой она только что утёрла рот.

– Тебе нужно вернуться в мастерскую и переодеться, – заявила Анна, снимая водоросли с шеи Элли. – Ну-ка, дай я возьму это, – прибавила она, потянув за промокший и капающий бушлат.

– Нет, со мной всё хорошо, – буркнула Элли, строптиво кутаясь в своё пальто.

– Ты простудишься! – настаивала Анна.

– Ну ладно, ладно, – сказала Элли и раздосадованно скинула бушлат. – Но я пока не могу вернуться в мастерскую, я иду в Цитадель Инквизиции. Кто-то должен вступить за мальчика. Он не Сосуд!

– Элли, если Инквизиция хочет его убить, нам лучше не вставать у них на пути.

– Но Сосуд всегда знает, что он Сосуд, в этом сходятся все книги, что я прочитала, а этот мальчишка не знал даже собственного имени! И вдобавок Сосуд выглядит болезненным, а Сиф казался вполне здоровым. Ну, если забыть обо всей этой крови. А теперь послушай внимательно, мне нужна твоя помощь в очень важной миссии.

Анна наострила уши. Отправляя Анну с поручением, нужно было, во-первых, ни в коем случае не называть его поручением, а во-вторых, приукрасить немного, наобещав встречу с матросами. И ввернуть потасовку, если получится.

– Мне нужно, чтобы ты пошла на Большую Верфь и разузнала, вдруг кто-то из моряков слышал о мальчишке, упавшем с корабля и, может, проглоченном заживо китом.

– Зачем? – осведомилась Анна.

– Потому что, если мы сумеем узнать, кто Сиф на самом деле, это поможет очистить его имя. Но будь осторожна – в доках сегодня моржовые бои, а они могут закончиться потасовкой.

Это была ложь, но она отлично сработала: Анна развернулась и рванула прочь. Элли похромала вслед за ней, хлюпая башмаками при каждом шаге. Она прошла мимо кита, глаз которого был смиренно закрыт. Одна из горгулий, придавленная его хвостом, грозила обвалиться и рухнуть в море. Забавно, что и она изображала кита.

«Голубые глаза», – подумалось Элли, и девочка содрогнулась при мысли о том, что в эту минуту, быть может, происходит с Сифом. Что, если Инквизиция уже решила, что он Сосуд, и в этот самый миг его бросают в огонь? Она заторопилась, вскарабкалась на мол, протолкалась через толпу и побежала по мощёной улочке вверх.

Утренняя суতোлка дел шумела и кипела вокруг бежавшей по Городу Элли. На рынке Ангелуса покупателей было битком, они задорно торговались то у одного прилавка, то у другого. На крышах рядами несли дежурство голодные чайки, в воздухе крепко воняло рыбой. Три бородатых музыканта тянули печальную мелодию на своих виолончелях, а пожилая

дама из высокого окна осыпала их язвительными замечаниями и турнепсом, требуя, чтобы они сыграли что-нибудь духоподъёмное. Уличный фигляр в серой рубаше и вспученной валяной шляпе развлекал фокусами стайку хлопающих в ладоши ребят, которые возрадовались ещё громче, когда трюк не заладился и белёк, которого фокусник пытался вытащить из шляпы, выпрыгнул сам и цапнул хозяина за палец.

Элли замедлила шаг, потирая ссадину на ноге. Её всё ещё жгло от солёной морской воды.

– Нелли! – окликнул её весёлый голос.

Она подняла голову и скривилась. Улыбающийся мальчишка, одетый в травянисто-зелёный камзол и чёрный плащ, вприпрыжку направлялся к ней.

– Ты мокрая, как мышь, – сказал он, оглядывая её с головы до пят. У него были золотистые локоны, россыпь веснушек на щеках и ярко-голубые глаза, которые пристально смотрели на неё. Он был немного младше Элли и такой смазливый, что напоминал вытянувшегося и переросшего детскую пухлость херувима; такого ангелка забаловала бы любая мать, а любой священник с радостью переставил бы в первый ряд хора.

– Да я плавала, – отвечала она делано жизнерадостным голосом.

Он заметил прореху на её штанах и озабоченно нахмурился:

– Ты в порядке?

– Полном. – Элли глубоко вздохнула. – Чего тебе надо?

– Ох... – Мальчик, казалось, был удивлён Эллиной резкостью. Он перебирал пальцами серебряную цепочку у себя на шее, с которой свисало множество побрякушек: ключи, ракушки и оловянные фигурки. – Ну, я слышал, что из кита появился какой-то мальчишка.

– У меня нет на это времени, Финн, – бросила Элли и поспешила вверх по улице.

Она прошла мимо священника в чёрной рясе, который, стоя на деревянной платформе, возвышал голос к небу.

– Не верь ближнему своему! – кричал он. – Ибо Великий Враг может скрываться за его очами. Не верь ни родным своим, ни себе самому. Но не страшись! Пускай боги сгинули, но святые не оставили нас своими заботами и послали нам Инквизицию – смелых сердцем людей, что сохраняют нас от нас самих.

– Как ты объясняешь то, что он мог там дышать? – спросил Финн, в два прыжка нагнав Элли.

– Где?

– В ките, разумеется!

– Ох, я не знаю, Финн. Может, он выставил соломинку в дыхало?

– Незачем огрызаться, мне просто любопытно. Где он теперь?

– Харграт забрал его, – сказала Элли. – Он считает, что мальчишка – Сосуд.

– Ой, мне так жаль. Могу я помочь чем-то?

– Нет, – отрезала Элли. – Я иду, чтобы поговорить с инквизиторами.

– Девчонка! ДЕВЧОНКА! Немедленно ступай сюда!

Старик шкандыбал сквозь сутолоку рыночной площади, тяжело дыша и прижимая к груди большущее механическое приспособление. Оно напоминало вроде как металлического краба, но только размером краб был с небольшую свинью. Он сердито зыркнул на Элли. Стёкла его очков были такие толстые, что увеличивали глаза вдвое против нормального их размера.

– А теперь послушай меня: эта твоя машина для ловли устриц сломана, и каждую минуту, что она простаивает, я теряю деньги из своего кармана.

– Боюсь, что прямо сейчас я очень занята, сэр, – вежливо отвечала Элли. – Знаете, этот кит...

– Кит? – крикнул старик. – Плевать мне на китов! Устрицы, девочка, устрицы! Значит, раз ты построила эту машину, ты её и почини!

Она вздохнула.

– Не я строила эту машину.

Старик сощурился:

– Но ты же Ханна Ланкастер, так? Изобретательница?

– Я Элли. Её дочь.

– Ох, – он поправил очки на носу, – ты, кажись, была покороче, как мне помнится. Так где мне найти твою мать?

– Нигде. Она уже пять лет как умерла.

– Ох, – снова протянул старик и в удивлении качнулся назад на каблуках, – что ж, хм. Мне всё равно нужно починить эту машину! И я жду, что ты это сделаешь.

Элли нахмурилась, глядя на пик Города. Каждая секунда промедления грозила Сифу опасностью.

– Вот беда, что она померла, однако ж, – пробубнил себе под нос старик. – Сомневаюсь, что мы ещё увидим такое дарование.

Со вздохом Элли подхватила устрицеловку и положила её брюхом кверху на мостовую.

– Я могу тебе помочь с ней, если хочешь, – сказал Финн, но Элли не обратила на него никакого внимания. Она выловила в кармане мокрых брюк отвёртку, вставила в подбрюшье устрицеловки и приподняла металлическую панельку. Заглянув внутрь, она повертела многочисленные шестерёнки, составлявшие внутренности аппарата.

– Заклинило... – пробормотала она.

Порывшись в карманах, она вытащила латунный ключ, грецкий орех и, наконец, длинные щипчики. Прикусив от старания язык, она извлекла причину поломки – поблёскивающую, бледную, как лунный свет, жемчужину.

– Это моё! – брякнул старик. – Машина-то моя, так что отдавай сюда!

Элли подняла глаза к небу, но уронила жемчужину в подставленную руку.

– Вот, пожалуйста.

Она покрутила ручку на спине устрицеловки, заводя её до тех пор, пока шесть ног не задёргались, а затем поставила машину на мостовую. Она побрела по камням, собирая воображаемые устрицы двумя своими крохотными руками.

– Пока! – крикнула Элли, нырнув обратно в торговые ряды между девчонкой, ведущей козу, и тачкой со свежими сардинами. К сожалению, потерять Финна ей не удалось.

– Я мог бы починить её вдвое быстрее, – самодовольно заявил он. – Слушай, а помнишь, как я помог тебе построить лодку? Ту, что плавает под водой? Вот, правда, надо нам её как-нибудь починить.

Элли резко забрала налево. Четверо коренастых мужчин спускались по улице, неся на доске мёртвую тигровую акулу с безвольно раззявленным зубастым ртом. Элли проскользнула мимо них, Финн же остался с другой стороны.

– Так что этот мальчик, – сказал он, снова поравнявшись с ней, – на что он годен? Он что же, умён или что? Ты же не надеешься найти мне замену?

– Замену? – отозвалась Элли. – Ты для меня ничто.

Финн заулыбался, покачав головой, как будто она удачно пошутила.

– Ну, так зачем тогда ты пытаешься спасти жизнь этого мальчишки? Ты прям взвинченная вся, Нелли. Что тебя так взбудоражило?

– Да то, что он не сделал ничего дурного.

Элли протиснулась между людей, охотно толпившихся у ног ещё одного проповедника.

– Друзья мои, знайте же – когда бы ни вернулся Сосуд, отважная душа выйдет на бой и, уничтожив оно, займёт своё место среди сонма святых. Кто знает, им может быть один из вас.

Толпа уболаготворённо заохала.

– Эй! – закричал высокий медно-рыжий юноша, торжественно приплясывая на краю сборища. – Знаете что? Его же нашли! Взаправду нашли!

– Чего? – пробухтела, нахмурившись, какая-то старуха.

– Сосуд! – вскричал молодой человек, возбуждённо ероша собственные волосы. – Харграт вот только что поймал его! Он воистину святой!

Толпа возрадовалась. Рыжеволосый обнял старуху, но та, скривившись, отмахнулась от него. На Элли снова накатила паника, а вывернувшись из многолюдья, она застонала, видя, что Финн по-прежнему шагает возле неё.

– Похоже, все вне себя от счастья, – сказал он. – Может, стоит оставить всё как есть? Какое твоё дело – помогать незнакомцам?

– К моим делам это никакого отношения не имеет. Это вопрос того, что правильно, – сказала Элли.

Финн прищурился.

– Хм. Не думаю, что это настоящая причина, Нелли.

– Его могут казнить, Финн. Невинного мальчишку.

– Ясно. Ты чувствуешь себя виноватой. Так вот почему ты это делаешь!

Элли почувствовала, как у неё заныло в животе. Она сглотнула.

– Перестань, Финн.

Финн широко распахнул глаза.

– Но ведь я угадал, верно? Ты чувствуешь свою вину из-за того, что произошло раньше, и считаешь, что если ты сможешь этому мальчику, тогда всё опять будет хорошо.

– Финн.

– Вот только представить не могу, как ты думаешь его спасти. Не очень-то у тебя это получается, людей спасать.

– Заткнись, Финн! – вскричала Элли, торопливо взбираясь по каменной лестнице, поднимавшейся мимо университета.

– Прости, – промолвил Финн, вспрыгивая по ступеням вслед за ней. – Но просто для ясности, я же прав, верно? Ты пытаешься загладить свою вину за то поганое...

Улыбка Финна дрогнула и погасла, когда Элли схватила его за лацканы камзола и притиснула к стене. Побрякушки на шее мальчишки звякнули.

– Слушай меня, Финн, – сказала она, глядя ему в глаза. – Оставь мальчишку в покое.

– Но если я просто хочу помочь? Как я помогаю тебе.

– Мне никогда больше не понадобится твоя помощь.

Она отпустила его, и Финн сполз по стене, ворча из-за рас-

стегнувшихся пуговиц на камзоле. Элли заторопилась вверх по лестнице.

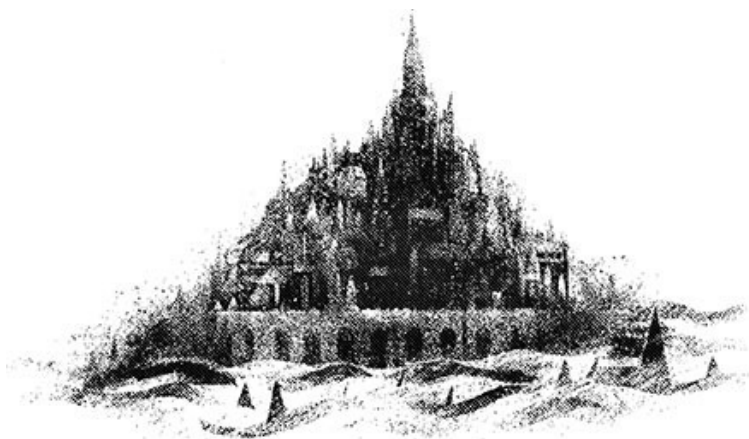
– Иногда, Нелли, – крикнул он ей вдогонку, – мне хочется, чтобы ты была со мной добрее!

Она обернулась и зыркнула на него.

– А иногда, Финн, я мечтаю о том, чтобы убить тебя.

4

Властители китов

Элли доводилось выходить в море на китобойных судах и видеть Город издали. Он выглядел, как наконечник копья, вонзённый в небо, серовато-чёрный на фоне горизонта. Она старалась не думать об этой невероятной крутизне, несясь по улицам, забиравшим вверх почти вертикально; дыхание спёрло в груди, в горле стоял ком.

– Вы слышали, вы слышали! – горланила какая-то девчонка, в голосе её звенел восторг напополам с ужасом. – Нашли

оного! Они нашли Сосуд!

Элли, которая гроыхала вверх по металлической лестнице, эти слова полоснули по сердцу. Она бездумно бросила взгляд за перила, и ноги у неё сделались ватные, когда она увидела под собой распротёртый во всех направлениях Город: десять тысяч черепичных крыш, зеленеющих мхом и, чем ближе к морю, тем гуще белеющих чайным помётом. К ним лепились армии статуй – серых ангелов и животных, лица и морды которых, столетиями подставляемые ветрам, дождям и брызгам прибоя, были изрыты, будто оспой. Бывало, шутили, что, мол, статуй в Городе больше, чем людей. Далеко внизу Элли могла разглядеть Кроличьи норы, лабиринт узких кривоколенных улочек, где в лепящихся друг к другу домишках некогда бок о бок жили сразу сотни рыбаков – пока Враг не сжёг разом весь квартал.

Элли, запинаясь, вскарабкалась по лестнице вверх по последней улице и вышла на площадь Св. Ефрема, высшую точку Города. Белоснежные особняки выстроились по её периметру, покрытые позолотой стены зданий гильдий и советов сверкали на солнце, посреди площади высился вычурный фонтан, украшенный скульптурными дельфинами. Здесь было почти красиво. Почти.

Цитадель Инквизиции вздымалась в конце площади. Корпус её составляла сотня зубчатых чёрных шпилей, лепящихся друг к другу, подобно трубкам органа, и вырастающих вверх посредине. Вход в основании здания был обозначен

широкой аркой, над которой толпились серые безликие статуи – тесный ряд взявшихся за руки мужчин, женщин и детей пялил вниз пустые глаза.

На самом верху, иссечённый из белого мрамора и отбрасывающий тень через всю площадь, стоял молодой мужчина. Прекрасный ликом и взбитыми волосами скульптурный муж в высоту был не меньше, чем кит в длину. В руках он держал младенца.

Золотые буквы у основания статуи слагались в такие слова:

В РУКИ СВОИ ОНЬЙ ЗАБЕРЁТ ДАЖЕ НЕВИННОГО

Когда Элли была ребёнком, она думала, что мужчина с заботой смотрит на дитя и держит его очень бережно. Статуя казалась ей чудесной. Лишь позднее она поняла, что мужчина был Врагом, а младенец – Сосудом.

Она взбежала по ступеням Цитадели к двойным дверям. Две алебарды опустились прямо перед ней, и, запнувшись, она едва не полетела назад.

- Нет входа в Цитадель Инквизиции.
- Но мне нужно поговорить с инквизиторами.
- Нет входа в Цитадель Инквизиции.
- Но...
- Элли, что ты делаешь? Ну-ка, спускайся оттуда!

Элли крутанулась на месте. Она так стремилась попасть в Цитадель, что совершенно не заметила стоявшую неподалёку плотную группу спорящих мужчин.

Пришлось бы потрудиться, чтобы отыскать, да хоть во всём Городе, группу более несходных между собой людей. Одни, разряженные в пух и прах, кичились дорогими шёлковыми рубашками с пышными рукавами и причудливо напомаженными усами. Другие – мускулистые верзилы, чьи натруженные в море голые руки напоминали сплетение железных прутьев. Кто-то был в камзоле, кто-то в мехах. Один обмотал вокруг шеи, наподобие шарфа, чучело угря. Другой водрузил на голову деревянную шляпу в форме корабля.

Высокий широкоплечий мужчина неловко поднимался к ней по ступеням. У него были шоколадная кожа, короткая чёрная бородка и усы, а одет он был в волочащееся по земле пальто из красного мятого бархата⁴. В руке он держал трость, сделанную из бивня нарвала, а на его плечи была брошена лохматая волчья шкура, голова которой свисала набок.

– Они забрали моего друга... – захлёбываясь, начала девочка, но прежде чем она успела высказать что-либо ещё, мужчина подхватил её одной рукой и понёс вниз по ступеням.

– Эй, поставь меня! – закричала она, когда всё завертелось перед её глазами. – То есть, сэр, будьте добры, поставьте ме-

⁴ Мятый бархат специально скручивают ради переливчатого эффекта разнонаправленных ворсинок.

ня на землю?

Её аккуратно поставили у подножия лестницы. Властитель Кастион приподнял одну бровь.

– Повторяй за мной, – негромко проговорил он. – Он тебе не друг.

– Ладно, – признала Элли. – Он не... но они совершают огромную ошибку. Он не Сосуд.

Кастион бросил взгляд на Цитадель, а затем приложил палец к губам.

– Элли, он суть Сосуд до тех пор, пока Инквизиция не опровергнет это. И до тех пор он тебе не друг и никогда им не был, понятно? Ты бедолагу в глаза не видела.

– Но я его видела, – возразила Элли. – Я спасла его из кита! А когда он не мог дышать, я...

– Элли, – промолвил Кастион, присев на корточки, чтобы посмотреть ей прямо в глаза. – Инквизиторы зададут ему вопросы и устроят испытания. Если будет доказано, что он Сосуд, его сожгут заживо на этой самой площади. Или того хуже. Так что, прошу тебя, обещай, что ты не станешь влезать в это дело.

Элли была поражена его серьёзным тоном. Кастион обычно был настоящий добряк, всегда готовый и пошутить, и пошутиться.

– Я не стану, – немного поколебавшись, соврала она.

Кастион снял кольцо, одно из многих, что унизывали его пальцы, и показал ей. Это кольцо было серебряное, с малень-

кой эмблемой раздвижного гаечного ключа, личного символа её матери.

– Я не прошу себе, если с тобой что-нибудь случится, – сказал он. – Враг не захватывал Сосуд уже более двадцати лет; тебе неизвестно, каково это, когда оный на воле. Улицы пропитаны недоверием. Друзья отворачиваются от друзей. Город скоро сделается совершенно иным.

Кастион впился в неё долгим взглядом, и она неловко кивнула.

– Неужели теперь время якшаться с беспризорниками, Кастион? – раздался ехидный голос. Другие властители китов прекратили свой спор, тот, на чьей голове красовалась модель корабля, презрительно смотрел на Элли.

Кастион вздохнул и выпрямился, упёршись в свою трость. Ногу он потерял, будучи ещё юношей – если верить слухам, её откусила акула. Мать Элли построила для него механическую ногу, которая тикала, как часы, всякий раз, как он делал шаг.

– Прояви немного уважения, Арчер, – промолвил Кастион. – Это дочь Ханны Ланкастер. Она уже два года чинит твои гарпунные ружья.

– Так вот почему они постоянно ломаются, – сказал властитель Арчер. – Проклятые штуковины мажут в половине случаев. Девчонка явно матери и в подмётки не годится.

Элли почувствовала, как у неё запылали щёки. Она отошла за спину Кастиона, держась за рукав его пальто. Касти-

он сжал её руку.

– Забавно, – небрежно заметил он. – Они никогда не мажут, когда из них стреляю я.

– Мы обсуждали важнейший вопрос, когда тебя ветром сдуло, – сказал Арчер. – Или ты даже и не слушал?

– Приношу мои самые искренние извинения, – отвечал Кастион. – Тяжело принимать всерьёз того, кто носит на голове корабль.

Арчер скривил губы. Тут раздался грохот, и все повернулись к Цитадели Инквизиции.

Из дверей вылетел Харграт.

– Ага, инквизитор Харграт, – сказал Арчер. – На ловца и зверь бежит. Один из ваших людей заявил нам, что нам не дозволяется забрать кита с крыши Св. Варфо.

Харграт прошагал мимо с утомлённым и озадаченным видом.

– Послушай, Киллиан! Что всё это значит?

Харграт на мгновение остановился, затем развернулся, словно издёрганный отец, втолковывающий настырному ребёнку.

– Внутри этого кита жил Сосуд.

– Выходит, он был сосудом для Сосуда, – пошутил самый молодой из китовых властителей и нервно захихикал. Похоже, он без особого успеха пытался отрастить себе усы, как у остальных, – в результате казалось, что он приклеил себе на лицо клочья собачьей шерсти. Под недобрыми взглядами

других властителей китов он покраснел.

– Это не предмет для шуток, Дункан, – сказал Арчер, снова поворачиваясь к Харграту. – Ведь это ты извлёк Сосуд из животного, верно? И что же этому отличному китовому мясу пропадать?

Харграт пожевал язык.

– Кит отравлен присутствием Сосуда и не годится в пищу.

– Да, но послушай, – продолжал Арчер, подойдя поближе к Харграту. Мужчина был значительно ниже ростом и тощее Инквизитора, и Элли подумала, что он должен быть или очень храбрым, или очень глупым, раз подходит так близко. – Животное такого размера стоит уйму денег. Двадцать бочек китового жира – и это самое меньшее, а уж мясом можно неделю кормить целый квартал. Мы властители китов – и это наше дело ловить китов.

– Этого кита поймали не вы, – прорычал Харграт, – а часовня.

– Это мелочи, – отмахнулся Арчер. Казалось, он хотел что-то прибавить, но вдруг неожиданно смолк – Харграт положил ладонь на голову властителя китов.

Голос Арчера взвился на целую октаву.

– Да что ты себе думаешь... – начал он.

Одним молниеносным движением Харграт снял шляпу с властителя китов. Он ухватил её своей широкой рукой в перчатке и сжал, разломив на мелкие щепочки. Арчер глазел в совершенном ужасе.

– Н-ну-ка, п-послушай, у меня н-немало влиятельных друзей, – выговорил он, отчаянно заикаясь.

– И среди них есть Инквизиторы? – поинтересовался Харграт.

– Нет, но...

– Тогда у тебя нет влиятельных друзей.

– Господа, – сказал Кастион, вставая между Харгратом и Арчером. – Нет причин ссориться. – Он положил руку на плечо Харграту.

– Не трогай меня, – зашипел Харграт с таким ядом в голосе, что Элли удивилась, как это он не пронзил Кастиона насквозь своим мечом.

– Что ты такой взвинченный, Киллиан? – спросил Кастион. – Сосуд пойман. Разве это не повод возрадоваться?

Харграт раздосадованно зыркнул на него.

– Верховный Инквизитор проводит собственные испытания над мальчишкой. Пока не доказано, что он является Сосудом, нет никакого повода для радости.

Кастион тепло улыбнулся.

– Но если Враг придёт снова, ты можешь просто убить одного, разве нет? Как в прошлый раз.

Харграт уставился на Кастиона с выражением беспримесной ярости в глазах.

– Да, мы с тобой в надёжных руках, Харграт! – воскликнул молодой властитель китов с клочковатыми усиками. Харграт зарычал и шагнул к нему, и лицо повелителя китов разом

сделалось пепельным.

Кастион поспешно похлопал Харграта по плечу.

– Он ничего такого не хотел сказать, Киллиан. Неудачно выразился, только и всего. Ну и будь уверен, мы к киту не прикоснёмся, следуя твоему приказу. – Он сопроводил глубокий поклон той самой сверкающей улыбкой, что сделала его любимцем всего Города. – Гильдия властителей китов существует для того, чтобы служить народу. И мы благодарны Инквизиции за всё, что она делает, чтобы оградить народ от опасности.

Харграт нахмурился.

– Вы существуете, чтобы служить самим себе. И потому лишь, что это позволяет Инквизиция. С приливом вы отбуксируете этого кита на пять миль⁵ в море, и пускай он там и затонет. И если я услышу, что кто-то из вас хотя бы кожу снял с его хвоста себе на мудрёный камзол, я засажу его в камеру где-нибудь в безрадостном закоулке Города, где он станет гнить, пока родная семья не позабудет, как его звали.

Он зашагал прочь, оттолкнув Элли в сторону.

– Тебе стоит убраться в местечко потеплее, Ланкастер. Ты околеешь от холода в своих мокрых одежках. – Тут он примок, и неприятная улыбка скривила его губы. – Впрочем, если промедлишь здесь достаточно долго, непременно дождёшься большого костра.

С этими словами он прошествовал через площадь и исчез

⁵ Морская миля составляет 1852 м.

среди улиц.

Властители китов снова принялись препираться, споря о том, кому предстоит отбуксировать кита в море. Элли же тем временем смотрела на Цитадель Инквизиции, пытаясь вообразить, каким испытаниям подвергают там Сифа; воображение её рисовало жуткие пыточные инструменты с острыми наконечниками и зазубренными лезвиями. Она гадала, каким способом можно спасти его – нет ли секретного пути в Цитадель из канализационных туннелей под ней. «Ей нужно свериться со строительными планами в своей библиотеке», – решила девочка и тихонько ускользнула, воспользовавшись тем, что Кастион отвлёкся.

Однако Финн дожидался на углу и встретил её той милой ангельской улыбкой, которую она просто ненавидела.

– Прошло не очень хорошо, да? – сказал он.

– Нет, – огрызнулась она, не удостоив его даже взглядом. Он поскакал вслед за ней, побрякушки, болтавшиеся у него на шее, весело позвякивали при каждом шаге.

– Так, значит, они убьют его? – спросил он.

– Они проводят испытания. Но, вероятно, да.

Финн затряс головой:

– Как ужасно.

Вверх и вниз по рыночной улице прогуливались толстосумы, вышедшие за утренними покупками. Аристократы, торговые бароны, хирурги и законники, облачённые в камзолы из мягкого бархата и пальто, отделанные мехом тюленей или

рыжих лисиц с охотничьих островов. Вместе с ними ходили дозором на высоких каблуках их супруги, увешанные нитями жемчугов. Финн, пышущий здоровьем, розовощёкий, с чисто вымытыми золотыми локонами и весело поблёскивающими глазами, мог сойти за одного из их отпрысков.

– В такую минуту хорошо иметь рядом того, на кого можно положиться, – обронил он. – Кого-то умного и достойного доверия. Разве ж Анна тебе поможет? А насколько мне известно, у тебя нет других друзей.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи, Финн.

– Ох, – проговорил он, явно пав духом. – Ты хочешь сказать, что сама измыслила способ спасти мальчишку?

– Я что-нибудь придумаю.

Финн понимающе кивнул.

– Да, я уверен, ты найдёшь способ спасти его, Нелли, ты же такая умная. Я убеждён, что ты отыщешь способ вызволить мальчишку, посаженного под стражу в наиболее тщательно охраняемом здании Города.

– Он не останется там надолго. Если они решат казнить его, это будет прилюдно.

Финн звонко притопнул ногой по каменной мостовой.

– Что же, это превосходно. Ну, разумеется – ты сможешь запросто умыкнуть его прочь от беды на глазах у десяти тысяч зевак! Проще простого!

Увернувшись от грузённой влажно поблёскивающей макрелью повозки, которую тянули за собой два торговца рыбой,

Элли снова ускорила шаг.

– Ты думаешь, они проявят милосердие? – спросил Финн. – Я что-то сомневаюсь. Они захотят показать всем и вся, как мучается Сосуд. Извини, Нелли, – наверняка тебе будет нелегко на это смотреть. Мне ужасно жаль. Думаешь, они поступят с ним, как с двадцать девятым Сосудом? Крючья и крысы? Или, может, окунут его в свиную кровь и выбросят на съедение акулам?

– Они его сожгут.

Финн вздохнул:

– Что ж, это определённо не самое плохое, что они могли бы сделать. Уже что-то. Может, не стоит из-за этого так огорчаться?

Элли проскользнула между высокими аристократами, кое-кто из них при этом недовольно сморщил нос. В верхнем Городе жили лишь самые богатые, и Элли, в её мокрой и рваной одежде, заляпанной краской и жиром, с исцарапанными и покрытыми синяками руками, выглядела здесь на редкость неуместно.

В эту минуту на рыночную площадь вылетела раскрасневшаяся женщина, шеей которой и видно не было под рядами сияющего жемчуга.

– Они нашли оного! – закричала она. – Они нашли Сосуд!

Аристократы утратили всё своё самообладание. Один подбросил в воздух лисью шкуру, другой запел во весь голос. Элли вздрогнула и скользнула в безлюдный проулок, но

Финн, посмеиваясь, рванул за ней.

– Право слово, – сказал он, задыхаясь, – можно подумать, ты пытаешься улизнуть от меня.

– Да, пытаюсь!

Элли вытянула из привязанного к ремню кошель шар размером с каштан и с силой швырнула его между ними двумя. Раздалось шипение, и вверх поползло облако серого дыма, наполняя переулок резким и едким запахом.

Убегая по мостовой, Элли слышала возмущённые крики Финна:

– Думаешь, этот фокус со мной сработает, Элли? Думаешь, я тебя не смогу найти? Отлично, ОТЛИЧНО! Покинь меня снова, оставь меня совсем одного! Это у тебя хорошо получается. Но я скоро тебе понадобится, вот увидишь!

Из дневника Клода Хестермейера

Я отступил назад, к стене. Я пытался заговорить, но слова не приходили.

– Клод, это я, – сказал Питер.

– Нет, – прошептал я. – Нет, не может быть. Питер умер. Он умер у меня на глазах.

– Да, я умер, – сказал Питер.

– Убирайся.

– Клод.

– Убирайся вон! – завопил я. – Чем бы ты ни был, УБИРАЙСЯ!

Я потянулся за первым, что подвернулось под руку, – это была чернильница. Я швырнул её в Питера, но промазал. Чернильница будто просвистела навывлет прямо сквозь него, забрызгав чернилами мои книги, мои полки, мои половицы. Но отчего-то на его крахмальной серой рубашке не было ни пятнышка.

Я смотрел на него в недоумении. Я привалился к письменному столу.

– Мне нужно... мне нужно отдохнуть. Мне уже мерещится непонятно что.

– Я настоящий, Клод, – сказал Питер. – Вполне настоящий. Подойди и позволь мне доказать тебе это.

Он протянул мне свою руку. Я заколебался, но потом взял её. Его рукопожатие было крепким и тёплым.

– Но как же чернильница? – спросил я.

– Это просто чернильница. – Он накрыл мою руку своей второй ладонью. – Мы связаны вместе, ты и я.

– Но... ты же иллюзия. Ты внутри моей головы. Ты не настоящий.

– Нет, я настоящий, и я внутри твоей головы, – сказал Питер. – Я сам вошёл туда.

– Ну, значит, выйди обратно! – вскричал я, выхватывая руку из его ладоней. Смотреть на него мне было невыносимо. Глаза у него были холодные и безразличные, тогда как глаза Питера были ласковые и сострадающие.

– И снова, боюсь, данное соглашение не позволяет подобного.

Я принялся шарить в своём столе в поисках бутылки,

которую я держал в нём. Перед глазами у меня плыло.

– Не желаешь ли... не желаешь ли немного виски? – сказал я, садясь. – Или оно прольётся через тебя насквозь?

– Боюсь, я даже не смогу поднять стакан, – сказал Питер. – Если только ты не попросишь меня об этом.

Я спрятал лицо в ладонях. Моё сердце болезненно колотилось.

– Ты настоящий, но ты в моей голове. Ты в моём кабинете, но в реальности ты вовсе не здесь. Ты можешь передвигать предметы, но только если я прикажу тебе.

Питер кивнул.

– Ты знаешь, что это означает, верно?

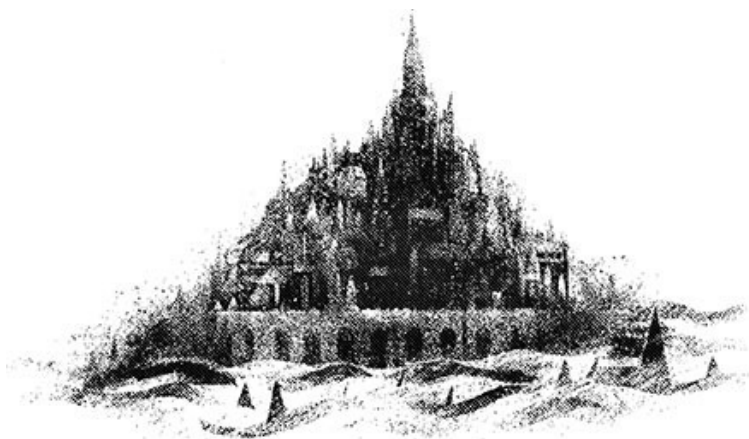
Я знал. Я знал признаки лучше кого-либо – до того как настал этот роковой день, моя научная работа была посвящена изучению истории Врага.

Я пригубил виски и не сводил глаз с мужчины, который некогда был моим другом.

– Это значит, что я – Сосуд.

5

Мастерская Элли

Элли выросла в мастерской матери в зажиточном верхнем квартале Города. Когда ей было восемь лет, мать умерла, и Элли с братом перебралась в приют на Сиротской улице. Когда ей было десять, умер брат, и Элли перебралась в пустующую кузню напротив приюта, чтобы устроить в ней свою собственную мастерскую.

Это была идея Кастиона. Городу нужен был кто-то, кто мог бы продолжить дело Эллиной матери. Ханна Ланкастер

была гением, и своими изобретениями она преобразила Город; ко времени её смерти Город полагался на её машины в отлове китов, сборе устриц, фильтрации морской воды и во многом другом. Элли мало что знала об изобретениях матери, и всё же она знала больше других, и Кастион сумел убедить Городской совет выплачивать ей небольшое содержание за то, чтобы она поддерживала аппараты в рабочем состоянии, а также создавала свои собственные изобретения. Первым творением Элли была небольшая ракета, приводившаяся в движение порохом; девочка с гордостью запустила её в мастерской в присутствии Кастиона и Анны, нацелив в открытое окно. Вторым изобретением Элли была поливочная система.

Мастерская находилась на одном уровне с улицей, на антресолях располагалась библиотека, а небольшая слесарная мастерская занимала подвальное помещение. Напоминающая внутренность деятельного, но совершенно безалаберного ума, она ускользала от понимания и вызывала головокружение. Это была высокая комната неправильной формы, вдоль стен поднимались аж до самых стропил ряды полок. Пол и стены были обшиты деревом, но посетителю было простительно и не заметить этого, поскольку ни на стенах, ни на полу не было ни единого, ничем не заставленного или не завешанного пятка. Несмотря на внушительные размеры мастерской, воздух был затхлый и спёртый, пахло сыростью, краской и старыми книгами. Мастерская скрипела и стонала

под собственным весом.

Похоже было, что здесь не прибирались ещё ни разу. Заброшенные проекты скапливались по углам, сметённые переменившимся настроением изобретательницы, ожидая, что она подберёт их по прошествии месяцев затем лишь, чтобы снова отбросить в сторону. Словно волнорезы из россыпи металлических обрезков, оброненных банок с краской и раскрытых книг поднимались верстаки. Хрупкие инструменты для составления погодных карт были беспечно брошены и валялись где попало. Стекланные банки выстроились рядами на грубо оструганных полках, внутри плавали в жёлтой жидкости мёртвые шутовины: скрученные внутренности гигантского морского окуня, шипастый хвост ската. Кипы заляпанных чернилами бумаг, заполненных зарисовками тел, лиц, рук, китов, айсбергов и кораблей, оползали со стен до самого пола. Это были порождения снов Элли, изобретения, которые она сконструировала, почти сконструировала или собиралась однажды сконструировать.

Широкий проход на улицу перекрывала составленная из дубовых панелей дверь-«гармошка». Над ней было приделано чучело луны-рыбы с навечно раззявленным в бессмысленном «О» ртом и слегка выпадающим из глазницы стеклянным глазом. С потолка свисал скелет гигантской черепахи, подвешенный на железных цепях к толстым латунным трубам водного резервуара. В правом дальнем углу спиральная лестница вела вверх на антресоль: на полуэтаже Эл-

ли устроила библиотеку, вмещавшую многочисленные тома, оставленные ей матерью. Коллекция разрослась вдвое от первоначального своего размера, и книги едва умещались на полках.

На нижнем этаже, возлежа на центральном верстаке, почётное место занимало большое гарпунное ружьё. На другом верстаке был латунный телескоп, химическая лаборатория и прибор, который мог вырабатывать электричество. Тем временем на полу лежали открытый ящик с фейерверками, рабочая модель Солнечной системы и (во всяком случае, сегодня) Элли – скрутившись калачиком, она спала на стопке географических карт.

Когда раздался стук в дверь, она резко пробудилась и выплюнула прядь собственных волос. Поскольку она так и не просушила их как следует после падения в морскую воду, они превратились в спутанную мочалку, царапающую лицо и с треском осыпающуюся морской солью.

– Секундочку! – крикнула девочка. Она провалилась в сон, полностью одетая, когда изучала план городской канализации. Неловко ковыляя к двери, она ругмя ругала себя за то, что заснула, тогда как тот мальчик нуждается в её помощи. За окном было уже темно.

Стук раздался снова, на этот раз громче, казалось, что в дверь стучат даже не кулаком, а головой.

– Я иду, Анна!

Элли принялась отпирать многочисленные засовы на вы-

ходившей на улицу двери, а затем сдвинула её в одну сторону на дребезжащих металлических колёсиках. Зазвенел смех, и три небольшие фигурки вбежали из темноты. За ними шла Анна, она лениво кивнула Элли и расхлябанно прошествовала внутрь.

– Привет! – сказала она.

Трое малолетних сирот – Фрай, Ибнет и Сара – круглыми глазами вытаращились на верстаки. В следующее мгновение что-то хрустнуло и сломалось под чьей-то ногой.

– Смотрите, куда наступаете! – отчитала их Элли.

– Небось, если бы ты хоть иногда прибиралась, у тебя не было бы таких проблем, – заметила Анна.

– Только ты не начинай! Я видела, на что похожа твоя спальня, – сказала Элли и кинулась к Ибнету, который пытался расчесать волосы чучелом ежа. – Неплохо было бы, если бы ты предупреждала меня, когда приводишь посетителей. – Она выхватила ежа из рук мальчика. – Ты чего-нибудь разузнала в доках?

– Ага, мне встретился этот моряк по имени Даррий, он научит меня, как можно убить чайку, просто...

– Я имела в виду, о Сифе, – начав в полный голос, Элли произнесла имя шёпотом.

– Ах, о нём. Нет, ничего. Не трогай это, Сара.

Сироты, встав на цыпочки, разглядывали склянки, дивясь мёртвым штукovinaм, плавающим внутри. Элли многозначительно зыркнула на Анну.

– Не могла же я разочаровать их, – сказала Анна, подбирая лежавшее на одном из верстаков яблоко. – Они сказали, что хотят поглядеть, что там поделявает «чокнутая старушка Элли».

– Старушка?! Да мы с тобой одних лет! Эй, поосторожнее с этим! – вдруг прикрикнула она – Фрай подняла с пола толстую трубку из чёрной глины с вырезанным с одного бока китом. Девчушка приложила трубку к губам и дунула. Жуткий свист грянул с другого конца. Двое других детей зажали уши.

– Слушайте, я сейчас занята, – сказала Элли, выхватывая трубку из рук Фрай. – Мне надо работать.

– А ты знаешь, что у тебя в волосах носок? – спросила Анна, сдёргивая его с макушки Элли. – Значит, ты придумала, как спасти Сифа?

– Да кто говорит, что я собираюсь его спасти?

– Это и так очевидно, – заявила Анна, надкусывая яблоко. – У тебя в глазах такое безумное выражение. Так бывает всякий раз, когда ты начинаешь работу над новым изобретением.

Элли оглянулась на сирот, чтобы убедиться, что они не подслушивают.

– Я думала об этом. – Она указала на разложенные на полу карты. – Туннели канализации проходят прямо под площадью Св. Ефрема, а, по словам Харграта, именно там состоится казнь. Можно попробовать подлезть под костёр и стащить

с него Сифа.

Анна уставилась на Элли, а затем выплюнула яблочное семечко.

– Ты просто чокнулась. Тебе такое никак не провернуть. И вообще, почему ты так хочешь его спасти? Он не казался мне настолько уж интересным.

– Он же появился из кита! Куда уж интереснее тебе нужно? И они собираются убить его! Если бы один из сирот тонул, ты бы прыгнула в воду, чтобы спасти его, верно?

– Ну да, – сказала Анна, – но они же мои сироты. А ты за него не в ответе, и не твоя вина, что он попался.

– Нет, моя! – воскликнула Элли. Анна наградила её оговоренным и обозлённым взглядом. – Я должна была сделать что-то ещё, чтобы спасти его.

– Что ещё ты могла сделать? – спросила Анна. – Харграт швырнул тебя в море. Не глупи.

Но Элли не слушала. Из головы не шёл Сиф, она всё представляла его запертым в камере, где его пинают и бьют инквизиторы. У неё заныло в груди.

– Без моей помощи он умрёт.

– Я слышала, что он Сосуд, – сказала Фрай, гордо выставив грудь колесом.

– Я слышала, что его собираются убить! – прибавила Сара. Ибнет захихикал.

– Ага! Убить Сосуд! Убить Сосуд!

– Чур, ты Сосуд! – пронзительно закричала Фрай, указав

на Ибнета, и обе девчонки погнались за ним через всю мастерскую и загнали в угол между двух книжных шкафов.

– Отойдите! – завопил Ибнет. – Сейчас из меня вырвется Враг!

Он разыграл зловещую пантомиму, с жутким булькающим звуком рухнул на колени, царапая себе грудь, словно рёбра вот-вот распахнутся настежь. Сара и Фрай покатались со смеху.

– А ну заткнитесь! – заорала Элли. – Это не шутка – мальчик может умереть!

– Мы слышали, ты его поцеловала, Элли, – встряла Фрай, схватив с полки книгу анатомических рисунков и перелистывая картинки. – Надеюсь, Враг тебя не растлил.

– Это был вовсе не поцелуй, а искусственное дыхание рот в рот, – устало проговорила Элли. – И потом, это совсем не так происходит – одновременно Враг может находиться внутри одного только Сосуда. Оный не может по собственному желанию перемещаться между людьми. Когда оный выбрал себе Сосуд, оному уже никуда не деться, пока этого человека не казнят или пока Враг не примет свою собственную материальную форму.

– Мы это и сами знаем, – сказала Фрай, закатывая глаза.

– Элли, а это правда, что ты построила лодку, которая может плавать под водой, как рыба? – спросил Ибнет, тряся латунным телескопом у одного уха.

– Она должна плавать под водой, – пробормотала Элли. –

Только она вроде как... ну, тонет.

– А можно нам на ней поплавать? Мы ничего не сломаем, – затараторил он и так сильно затряс телескопом, что тот выскользнул у него из рук.

В дверь снова постучали. Элли застонала. Ей было не по себе, когда в мастерской было чересчур много народу.

– И кого ещё ты пригласила? – поинтересовалась она, гневно уставившись на Анну, которая расчистила место на одном из верстаков и теперь лежала поперёк стола.

– Я тут ни при чём, – сказала она с набитым яблоком ртом.

Элли откатила дверь в сторону, и внутрь из темноты, прихрамывая, вошёл Кастион с усеянной дождевыми каплями бородой.

– Вечер добрый, Элли, – проговорил он с поклоном. – И Анна также, я вижу! А кто эти могучие герои? – прибавил он, улыбаясь трём сиротам помладше, которые, притихнув, смотрели на Кастиона круглыми глазами.

– Проблемы с ногой? – спросила Элли.

– Да, – вздохнул Кастион.

Левая нога властителя Кастиона была вершиной инженерного мастерства Эллиной матери. Всякий раз, как Элли приходилось её чинить, она преклонялась и сокрушалась над её многосложностью. Внутренность ноги составляли крохотные шестерёнки, противовесы и шатуны, собранные в механизм настолько сложный, что ей хотелось плакать. Она из кожи вон лезла, чтобы починить его, но всякий раз со спор-

ным результатом; с тех пор как мать Элли умерла, Кастион больше не ходил с прежней лёгкостью.

Он стянул сапог и закатал штанину, обнажив латунный корпус ноги и ступни, внешне сходный с частью латного доспеха. Он отстегнул ремни, без церемоний сдёрнул ногу и забегал глазами, ища свободное место на верстаке, куда её можно пристроить. Элли согнала Анну со стола, на котором она разлеглась, и бережно приняла ногу из рук Кастиона.

Приютская малышня подобралась поближе, в почтительном молчании глядя на Кастиона. Элли задумалась, а приходилось ли им прежде видеть кого-то из властителей китов так близко. Сара разглядывала волчью голову на его плече и даже дотронулась до носа зверя. Кастион вынул из кармана камзола зуб косатки и опустил его в подставленную ладонь девочки.

– Это подарок, – сказал он, и троица сирот вытаращилась на зуб, будто на мощи святого.

– Сэр? – выпалила Сара, не в силах сдерживаться. – А вы когда-нибудь тонули?

Ибнет оттолкнул её в сторону.

– Вы когда-нибудь плыли на корабле через шторм?

Фрай отёрла его в сторону.

– А это правда, что вы голыми руками удавили спрута?

Кастион воздел руки, призывая их к молчанию. Затем он подался вперёд и наградил детей неспешной и сверкающей улыбкой.

– Ну конечно, – сказал он. – Как, по-вашему, я потерял свою ногу?

Они в изумлении пялились на него, глаза их сверкали. Но мгновение тишины было кратким – с дикими воплями они набросились друг на друга, сражаясь за зуб косатки.

– Я думала, вам акула ногу откусила, – пробурчала Элли, раскручивая винты на внешнем корпусе механической ноги. Она до сих пор была зла на Кастиона за то, что он не помог ей утром.

Он придвинул табурет с протяжным скрипом дерева по дереву.

– Слушай, ты меня прости, что я так строг был с тобой там, на площади, – промолвил он. – С тобой всё в порядке?

– Они же убьют этого мальчишку, – сказала она.

Кастион скривился.

– Быть может, они решат, что он невиновен, – сказал он. – Элли, ты же не знала его до сегодняшнего дня, так?

– Нет.

– Тогда почему ты так переживаешь из-за него?

– Я считаю, что она в него втюрилась, – брякнула Анна, которая теперь растянута на полу. Элли схватила одеяло и швырнула его Анне в лицо.

– Это потому, что он всего лишь мальчик, – сказала она Кастиону. – Он ни в чём не виноват, это несправедливо.

Анна смеялась, лёжа под одеялом, от чего оно колыхалось и ходило ходуном.

– Перестань! Я в него не втюрилась! – закричала Элли и отвесила Анне лёгкого пинка.

– Дети! – прикрикнул Кастион, стукнув кулаком в столешницу.

Элли и остальные сироты разом замолчали. Анна стянула с лица одеяло и кротко прижала его к груди. Широко распахнутые глаза Кастиона поблёскивали в свете лампы.

– Ты должна понять, насколько это серьёзно. Если он действительно Сосуд, тебе необходимо забыть о том, что была с ним знакома, и ты не должна ему помогать. Инквизиция крайне неблагосклонно смотрит на тех, кто знает с Сосудом. – Он глубоко вздохнул. – После того как двенадцатый Сосуд был казнён, были повешены все члены его семьи, потому что они укрывали его в подвале собственного дома. Вся его семья, Элли. Кроме его восьмилетней дочери.

– Из-за того, что она была так молода? – спросила Анна. Кастион опустил глаза к полу.

– Нет, потому что именно она сообщила Инквизиции, где его искать.

У Элли защемило сердце. Анна поглядела на младших сироток.

– Это ужасно, – проговорила она.

– Нет, это необходимо, – сказал Кастион. – Вы не знаете силы Врага. Вам не приходилось её видеть.

Он повертел в руках свою трость. Очень долго он не произносил больше ни слова.

Элли робко шагнула к нему.

– Сэр... а вы... вам доводилось её видеть?

Но Кастион по-прежнему не сводил глаз со своей нарва-
ловой трости. Элли заметила, что пальцы его подрагивают.
Но вот он сел прямо и посмотрел на дверь.

– Что это за шум? – спросил он.

Элли тоже слышала крики. Снаружи кричали люди. Вся
похолодев, она бросилась к двери и раздвинула её. Ликую-
щие возгласы звенели в морозном ночном воздухе.

– Это он!

Девчонки и мальчишки носились по Сиротской улице,
пытаясь докричаться до окон и балконов у себя над голова-
ми. Где-то вдали звучно забили колокола.

– Это он! Это он!

Одна девчушка скакала по мостовой, приотстав от друзей,
несущихся впереди с горящими глазами. Когда она пробега-
ла мимо, Элли схватила её за руку.

– Что происходит? – настойчиво спросила она.

– Тот мальчик, которого нашли внутри кита. Он Сосуд!
Так сказал Верховный Инквизитор. Теперь они могут убить
его, и мы снова будем в безопасности на долгие-долгие годы.

У Элли так сильно скрутило живот, что она испугалась,
что её стошнит. Сиф умрёт. Он умрёт, и это всё её вина. Ей
необходимо что-то сделать... необходимо успеть спасти его,
даже если его казнят уже следующим утром.

– И когда это произойдёт? – спросила Элли. – Когда будет

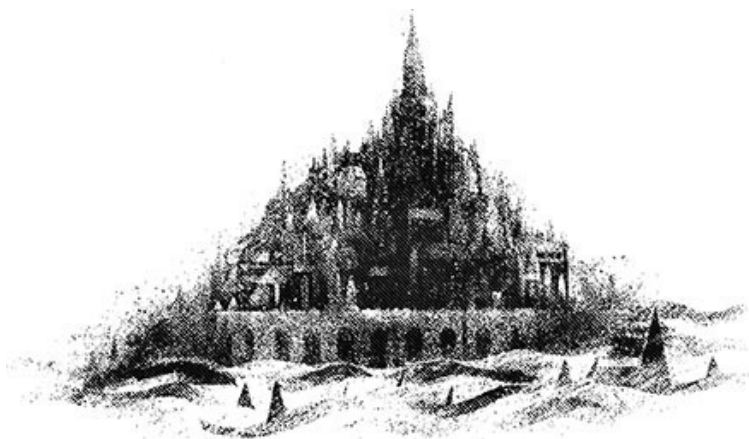
казнь?

Девчушка счастливо улыбнулась при свете масляных ламп.

– Эге, да прямо сейчас.

6

Ликование на казни

Капли дождя стекали по лицу Элли. Вокруг носились дети, а она смотрела и не верила, что это действительно происходит.

Кастион сжал её плечо.

– Мне очень жаль, Элли, – сказал он, – но это должно случиться. Сосуд необходимо убить до того, как Враг сможет использовать его для того, чтобы воплотиться в свою материальную форму. Когда это случится, могут пройти десяти-

летия, прежде чем оный захватит другой Сосуд. Годы спокойствия и безопасности.

– Мне нужно идти! – спохватилась Элли и бросилась бежать.

– Элли, – крикнул Кастион. – Тебе не стоит видеть этого!

Элли неслась по Сиротской улице, а в дверях появлялись другие горожане, застёгивая пальто и заматывая шарфы. Все улыбались. Над головой в затянутом облаками ночном небе разрывались фейерверки. Элли, огорошенная, смотрела на них – это её фейерверки взрывались водоворотами и фонтанами кружащих искр, золотых и серебряных, те самые фейерверки, что она создавала.

– Эй! Подожди меня!

Анна грохотала за ней.

– Надень-ка это, – сказала она, накидывая Эллин бушлат ей на плечи. Он почти высох, повисев весь день рядом с котлом отопления.

– Что мне делать, Анна? – проговорила Элли. – Они собираются его убить. – Она охлопала карманы своих штанов. – Ой, нет, я забыла свои ключи!

Звякнул металл.

– Вот они, – сказала Анна.

– Где они были? – с облегчением поинтересовалась Элли.

– В твоих штанах. Ну, во всяком случае, пять минут тому назад.

– Анна! Сколько раз я тебе говорила, прекрати щипать

мои карманы! И перестань ухмыляться, это вовсе не смешно – невинный мальчик может умереть!

Она прибавила ходу. Тёмные улицы казались более угрожающими, чем когда-либо, угловатые шпили и трубы напминали обломки костей. Дети скакали и приплясывали под морсящим дождём. Удушающие клубы дыма наполняли переулки, когда лоточники кидали рыбу в чаны с горящим маслом, готовясь сорвать куш. Чем ближе Элли и Анна подходили к площади Св. Ефрема, тем гуще толпился народ. Пытаясь протиснуться вперёд, Элли то и дело наступала кому-то на ноги.

– Эй, смотри, куда идёшь!

– Поосторожней!

Элли встала на цыпочки, но ничего не смогла увидеть за плечами окружавших её людей. Она и представить себе не могла, сколько же их собралось – она совершенно затерялась в бескрайнем океане празднующихся и торжествующих. От них пахло табаком и вином, дыхание влажными клубами поднималось над их головами. Наконец Элли протолкалась на площадь, где на высоком помосте был сложен шалаш из брёвен.

Костёр.

У Элли зашумело в ушах; она не соображала, что станет делать, когда пробьётся к костру. Она продолжала пробираться вперёд, проскальзывая между зычногласными моряками, улыбающимися старухами, родителями с ёрзающими

на плечах детьми.

– Элли! – кричала Анна. – Элли, погоди!

Она была больше Элли, и, похоже, ей было сложнее пробираться сквозь толпу. К тому же она была менее безрассудной – у Элли уже горела щека там, где ей прилетел удар локтем. Она пихалась, подныривала, и груда веток и брёвен вырастала всё выше и выше у неё над головой.

– Привет.

Финн стоял рядом с ней. На лице его был мазок сажи, а в руках он держал гаечный ключ. Щёки у него разругались, и он выглядел даже более довольным собой, чем обычно.

– Что ты делаешь? – прошептала Элли.

– Помогаю! – жизнерадостно сообщил Финн. – У меня всё спланировано, как видишь. Ого, ты только посмотри, как все кругом счастливы! Даже обидно испортить им всё веселье.

– Я говорила тебе, Финн, мне не нужна твоя помощь.

– Почему нет?

– Потому что за твою помощь всегда приходится платить!

– Однако, похоже, у тебя нет выбора. Если только... – Он приподнял одну бровь. – Если только ты не хочешь, чтобы он умер? Теперь слушай: я наблюдал за тем, как они возводили этот помост... – он покрутил в руке гаечный ключ, – и я всё рассчитал. Вспомни самый лучший фокус, который ты только видела – так вот, это будет ещё лучше.

– Финн, я уже тебе говорила, мне...

– Не нужна твоя помощь, – передразнил он её детский го-

лос. – Свят-свят, Нелли, какая же ты скучная. Хорошо, просто сообщи мне, когда передумаешь.

И он развернулся и нырнул в толпу. Элли проводила его глазами и настолько забылась, что не заметила двух мужчин, которые, обхватив друг друга, прыгали с таким задором, что налетели на неё и сбили с ног. Она упала на четвереньки, а падая, стукнулась головой о чьё-то колено.

– Элли!

Тёплые руки подняли её, и сердце её дрогнуло, когда она почувствовала знакомый запах Анниного синего свитера.

– Ты смерть свою так найдёшь, – сказала Анна и крепко обняла Элли, чтобы помешать ей снова убежать.

– Нам нужно что-то сделать!

– Мы не можем ничего сделать!

Вдруг со всех сторон прокатился оглушительно-ликующий рёв, который мог означать только одно – вывели Сифа.

– Анна, мне нужно влезть тебе на плечи! – сказала Элли.

Анна зароптала, но присела на корточки, и Элли неловко вскарабкалась ей на спину.

– Ой, ты дёргаешь меня за волосы! – пожаловалась Анна. Она выпрямилась, и Элли поднялась над головами толпы; ледяной ветер тотчас ожёг ей щёки. Всполох фейерверка осветил всю площадь, и стало ясно, как же много людей – по меньшей мере, десять тысяч – расплеснулось по всей площади, куда ни глянь, и по прилегающим улицам. Элли замутило при виде толпы, словно она открыла буфет и обнаружила

там гнездо мокриц.

Затем Элли увидела, как распахнулись двери Цитадели Инквизиции. Появилась процессия.

Во главе шёл барабанщик, дюжий детина с пристёгнутым к животу барабаном, в каждой руке барабанные палочки размером в кузнечный молот. Затем вышел Главный Инквизитор – старик в длинной чёрной шинели, а за ним тьма других инквизиторов, включая и Харграта. Затем показалась клетка, её несли четыре стражника. Толпа радостно закричала и зашикала, брызги слюны наполнили воздух.

Внутри клетки был Сиф.

Элли закусила свой сжатый кулак. Сиф был весь в синяках и порезах. Его руки были привязаны к железному шесту, и они смыли с него шлангом китовую кровь и надели на него драные штаны. Он был в сознании, но едва-едва – глаза его были полуприкрыты, и он смотрел на толпу, как сквозь дрёму. Двадцать арбалетов были нацелены на него.

Клетку втащили по ступеням на помост, к вершине сложенного пирамидой костра. Барабан продолжал греметь. Толпа затихла.

Сиф моргнул. Казалось, он очнулся, выпрямился в полный рост внутри клетки и напрягся, как загнанный в угол зверь. В свете факелов Элли видела, что по щекам его несдерживаемым потоком текут слёзы. Должно быть, он понял, что его окружают безумцы. Должно быть, он понял, что он совершенно один.

Он рванулся вперёд, обнажив зубы, и сотни людей в толпе заорали. Харграт хладнокровно вынул из кармана свой пистолет с дротиками. Он выстрелил, и Сиф крикнул. Голова его повисла, и толпа облегчённо вздохнула.

Верховный Инквизитор взобрался на помост и встал у кострища. Он был настолько стар, что казалось, не кожа, а маска натянута на его череп. Он отдышался и заговорил прерывающимся голосом, эхом прокатившимся над площадью.

– Во имя Двадцати Шести Святых и Святейшей Инквизиции я объявляю тебя Сосудом, нечистым и дьявольским вместилищем Великого Врага Человеческого Рода и приговариваю тебя к смерти.

Элли обхватила живот руками, пальцы её дрожали. Отчаянный порыв завладел ею, мысли полыхали, словно молнии. Она хотела избавиться от этого чувства. Она поглядела по сторонам и вскоре увидела Финна, легко опознаваемого благодаря сияющим золотым волосам. Он повис на статуе ангела на краю площади.

Он смотрел прямо на неё.

Элли ковыряла дыру в рукаве своего бушлата, в смятении просовывая в неё большой палец. Она глубоко вздохнула и отбросила последние сомнения.

Затем она кивнула.

Финн ухмыльнулся, соскочил со статуи и вприпрыжку исчез в толпе. Элли ждала, отсчитывая мгновения по болезненно гулким ударам сердца.

Но ничего не происходило. Один из стражников шагнул к костру, держа в руках горящий факел, и поднёс его к растопке, сложенной у края костра. Она занялась, оранжевые языки пламени заплясали по дереву, испуская тонкие вертушки дыма. Элли вонзила ногти себе в ладони. Толпа в предвкушении затаила дыхание.

Затем раздалось шипение и, словно пушечные выстрелы, зарыбили взрывы. Фейерверки взмыли в воздух вокруг клетки Сифа, заплёвывая толпу фонтанами искр с шипением хлынувшей в брешь воды. Шум сделался оглушительным, а громяющий поток искр стал таким ярким, что казался колонной слепящего света, словно бы в центре толпы зародилась звезда.

Сквозь весь этот свет Элли уже не могла разглядеть клетку Сифа. Каким-то образом Финн умудрился подложить фейерверки внутрь костра. Молодой парень ринулся мимо Анны, спеша сделать ноги, и Элли пришлось соскользнуть с её плеч, пока обе они не упали.

Без малейшего предупреждения свет разом исчез, оставив густую завесу дыма, накатившуюся на толпу и заполнившую площадь кашлем и испуганными криками.

– Охраняйте клетку! – взревел Харграт где-то неподалёку. Глаза у Элли слезились, и она пыталась разогнать дым вокруг себя.

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть его там не будет».

– Поберегись! – закричал кто-то.

Фейерверки подожгли брёвна, и пламя уже поднималось и разгоралось. Харграт вскочил на костёр сбоку и полез вверх. Элли стиснула зубы. Харграт подтянулся и поднялся на вершину как раз тот момент, когда развеялись последние клубы дыма.

Клетка стояла с распахнутой дверью.

Она была пуста.

Элли благодарно осела возле Анны. На неё вдруг накатило изнеможение, словно все силы разом вытекли из неё.

– Он сбежал! – заорал голос.

– НЕТ! – возопил другой.

Женщина рядом с Анной подхватила на руки своего ревущего ребёнка и взмолилась к стоявшим позади неё морякам, чтобы те пропустили её. С возгласами и воплями охваченная паникой толпа хлынула, как стадо перепуганных овец.

Анна прижалась к Элли, напуганная неожиданной переменой в настроении толпы. Элли схватила её руку и крепко сжала.

– Всё в порядке, – сказала она, собравшись с силами, чтобы начать шагать. – С нами всё будет хорошо. Давай пойдём отсюда.

Вокруг со всех сторон плакали дети, зовя своих родителей. Какой-то старик споткнулся и исчез под напором тел. Три бледных инквизитора пробежали мимо, даже не попытавшись помочь. Элли подтолкнула Анну прочь с площади в какой-то проулок, такой узкий, что обе руки задевали о

стены по сторонам. Они протиснулись мимо проповедника, бессмысленно, словно лунатик, уставившегося на костёр. Он запустил руки себе в волосы, глаза его наплывали ужасом.

– Враг! – вскричал он. – ВРАГ ХОДИТ СРЕДИ НАС!

Из дневника Клода Хестермейера

В Городе этой ночью великое столпотворение. До меня доносятся взрывы фейерверков и крики. Над крышами поднимается дым. Я заперся у себя в кабинете в надежде на тишину и покой – я чувствую, что обязан записать мой опыт как Сосуда. В конце концов, я учёный, и это уникальная возможность продвинуть учёное сообщество к более глубокому пониманию Врага.

После нашей первой встречи я был сокрушён. всю свою жизнь я боялся Сосуда, как и всякий добропорядочный гражданин, и вот теперь я сам Сосуд и не вижу, отчего другие люди должны бояться меня. Я не обладаю силой и явно пребываю не в лучшем здравии, несмотря на то, что мне всего двадцать пять лет, и я вовсе не настолько умён, насколько я привык казаться.

Через два дня после похорон я сидел возле фонтана на площади Св. Ефрема, глядя на статую Врага над Цитаделью Инквизиции. Затем я осознал, что настоящий Враг сидит рядом со мной.

– Итак, никто не способен увидеть тебя, кроме

меня? – сказал я ему.

– Это верно, – сказал он.

Выглядит Враг в точности так, как Питер. Возвращаясь к моему дневнику, я вижу, что в первый раз описал его холодным и отстранённым, но, должно быть, это объясняется шоком, потому что этот Питер держится с тою же теплотой, как и настоящий Питер, каким он мне помнится.

Мы прошли по выгоревшим Кроличьим норам, где банды мальчишек в отрепье играют в руинах. Я пытался вообразить, как Кроличьи норы могли выглядеть до Великого пожара, когда Враг поджёг чан с ворванью⁶ и ходил по улицам, сотнями убивая бежавших из своих горящих домов людей.

– Ты покамест был добр ко мне, – сказал я, следя за кружащей над нами стаей чаек. – Но я знаю, как это происходит. Ты не останешься навечно внутри моей головы. Я знаю, что рано или поздно ты воплотишься в собственную форму, появившись из моего тела. И я знаю, что я этого воплощения не переживу.

– И как ты можешь это знать? – спросил Враг.

Я засмеялся.

– Потому что так происходит всякий раз! Враг – это паразит. Вроде одной из этих зловредных ос⁷, откладывающих свои яйца внутри других насекомых.

– Как образно.

– Вылупившись из яйца, личинка питается телом

⁶ Ворвань – жир, вытопленный из китового сала, использовался в лампах.

⁷ Речь идёт об осах-наездниках.

своей жертвы, пока не вырастает и не убивает её, а тогда она расправляет свои крылышки и улетает. Но... я не чувствую, чтобы ты питался мною.

– Может, истории обманчивы, – сказал Враг. – Может, я не настолько злой, как все говорят.

Я покачал головой, показывая на обвалившиеся руины трёх сотен халуп.

– Я боюсь, что материальные свидетельства против тебя.

Онѣй ходит среди нас

Высоко над Городом колокол Инквизиции бил набат; холодный и тяжёлый гул переполошил чаек и поднял их с гнездовий. Двери хлопали, ключи дребезжали, тяжёлые засовы с лязгом вставали на место. Шикали на детей, закрывали ставни. Шёпотом возносили молитвы святым. Высоко над головами облако дыма от костра текло по крышам, скрывая из вида луну. Элли и Анна неслись по камням мостовой, шлёпая по лужам. Улицы тонули в сизой дымке тумана и дождя.

– Он просто... исчез, – сказала Анна. – Он точно Сосуд. Как ещё мог он сбежать с того костра? Если только... – Она с ужасом посмотрела на Элли. – О нет, ты же не...

У Элли в горле встал ком.

– Ну конечно, нет, – слабо промолвила она. Анне нельзя знать... нельзя.

– Но это твоих рук дело, верно? – затараторила Анна. – Фейерверки были точно в твоём стиле, ты нашла какой-то секретный ход под площадью и, запустив фейерверки в качестве дымовой завесы, вытащила его из клетки и...

– Тсс! – прошипела Элли, косясь на доходные дома во-круг. Кто знает, кто вслушивается в их разговор из-за закры-тых дверей? – Я всё время была с тобой, помнишь? – зашеп-тала она. – А весь день я просидела в мастерской.

Но Анна не выглядела убеждённой. Она глядела через улицу на примыкавший к приюту тесный и неприглядно мрачный угольный подвал с повисшими на петлях дверьми. Она вздохнула. В свете луны её глаза были круглыми и бле-стящими.

– Ты ведь сказала бы мне, если что-то такое задумала, правда? Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-то дурное.

Элли кивнула, ощутив при этом болезненный укол стыда. Анна была её самой верной подругой, но были такие вещи, о которых ей никак нельзя знать. Финн был одной из этих вещей.

– Я устала. Мне нужно поспать, – сказала Элли. И это бы-

ла чистая правда – она чувствовала себя так, будто вот-вот рухнет.

Анна оглядела её с головы до ног.

– Да, выглядишь ты просто ужасно, наверняка же простыла. Я тебе говорила, чтобы ты просохла как следует, после того как Харграт сбросил тебя в море. Может, тебе поспать в приюте? Там куда теплее, чем в твоей промозглой мастерской.

Элли заколебалась.

– Тебе необязательно спать в твоей старой комнате, – продолжала Анна, явно обнажённая. – У Эммы вши, и её усадили на карантин в отдельной комнате, так что рядом со мной есть свободная кровать. Но вшей там уже нет! – поспешно прибавила она.

Элли помотала головой:

– Спасибо, но я лучше останусь у себя в мастерской.

Анна мрачно поводила носком башмака в луже.

– Знала же, что не надо говорить про вшей, – пробормотала она. Они обнялись на прощание, и Элли стиснула Анну крепче, чем обычно.

Элли ещё возилась с запорами на двери мастерской, когда вдруг заметила двух стражников, шагающих по улице прямо к ней.

– Э... здравствуйте? – нервозно поздоровалась она.

– Элеонора Ланкастер?

– Да?

– Властитель Кастион приказал нам постоять на страже перед твоей мастерской этой ночью.

– Ох. Почему?

– Он не сказал.

Элли скривилась, гадая, сколько же властитель Кастион заплатил им. Вероятно, он опасался, что Сиф станет её искать. Проямлив «Спокойной ночи», она нырнула внутрь, потянула и закрыла дверь и уронила тяжёлые засовы в зацепы.

– Мне нужно отыскать его, – прошептала она, дёргая дырку в рукаве бушлата. Выудив из кармана спичку, она зажгла висевшую у двери масляную лампу, а затем метнулась в другой конец мастерской, петляя среди верстаков, башен из книг и груд металлической стружки. Подскочив к двери своей спальни, она скинула бушлат на спинку стула и подвязала волосы на затылке. Ускользнуть из мастерской незаметно для стражников проблемы не составит – в подвале была дверь, ведущая в канализацию. Однако сначала ей нужно нацепить какую-нибудь личину, чтобы можно было ходить по Городу неузнанной. Она запалила лампу возле двери в спальню и шагнула внутрь.

Сиф без сознания лежал на полу.

Элли вцепилась в дверной косяк и зажала рот ладонью. На нём были всё те же изорванные штаны, чёрные волосы опять взлохмаченнее некуда. Ступни перепачканы и исцарапаны, а синяки на груди и на лице вблизи выглядели просто жут-

ко: воспалённые алые и бордовые пятна. Элли обернулась через плечо, несомненно, ожидая увидеть Финна, укрывшегося где-то в мастерской, чтобы насладиться её замешательством. Но его нигде не было видно. Она снова в изумлении уставилась на Сифа, пока её не пробрало вдруг тревожное предчувствие.

Он у неё в спальне.

Необходимо вытащить его отсюда.

Она нагнулась и попыталась поднять его, но он был слишком тяжёлым – едва она приподняла его, всё её тело повело вниз. Элли опустила его на пол, не слишком бережно, и голову его мотнуло к ней. Лицо у мальчишки было поразительное – огромные, прикрытые веками глаза и широкие скулы придавали его внешности что-то почти кошачье. Элли подхватила его под мышки и с усилием поволокла, штаны его зашуршали по полу. Заливаясь потом, она вытащила его за порог своей комнаты, как вдруг глаза его распахнулись.

Встретившись глазами, оба они, можно подумать, пробудились от кошмарного сна. Элли упала спиной назад, приложившись об верстак. Сиф подскочил на ноги, тяжело дыша. Его глаза забегали по мастерской, выхватывая скелет гигантской черепахи, гору книг, сложенную в центре комнаты, гарпунное ружьё, на острие которого взблескивали отсветы ламп.

– Где мои братья и сёстры? – прошептал он.

– Э... я не знаю, – проговорила Элли. Она подумала, уж

не возвращается ли к нему память. — Ты видел их в толпе? Ты знаешь их имена? Как они выглядят?

Сиф, нахмурившись, уставился на собственные ноги.

— Я не могу вспомнить. — Он поглядел на неё серьёзно. — Но я думаю, им нужна моя помощь.

И внезапно он схватился за горло, словно кто-то ударил его в кадык.

— Воды, — хрипло проорал он. — Воды!

— Не кричи! — зашипела Элли. — Там снаружи два стражника.

Сиф затряс головой.

— И что с того? — прохрипел он. — Какое мне до них дело?

Элли недоумённо нахмурилась, огорошенная его самонадеянностью.

— Они тебя убьют, вот что.

— Да я им головы поотрываю голыми руками.

— Ага, конечно, — фыркнула она презрительно. — Не дури — они арестуют тебя и препроводят прямиком на тот же костёр.

— Пусть только попробуют.

Элли нахмурилась.

— Они уже попробовали. И всё бы у них получилось, если бы я не спасла тебя.

Но Сиф согнулся пополам, тяжело дыша и хватая себя за горло. Элли догадалась, что за весь день он не выпил ни капли.

— Ладно, подожди, — сказала она и подбежала к умываль-

нику в углу. Обернувшись на звяканье стекла об стекло, она увидела, что Сиф снял с одной из полок склянку с жёлтой жидкостью. Внутри быладохлая крыса.

– Что ты делаешь? – воскликнула она. Он снял крышку и приник к ободу банки губами. Он закашлялся и отставил банку на расстояние вытянутой руки, отчего крысу мотнуло в сторону. Жидкость плеснула через край.

– Что это? – отплёвываясь, выговорил он.

– Консервационная жидкость, придунок! Я как раз пошла тебе за водой.

– Зачем тебе все эти мёртвые животные?

– Ясное дело, я их изучаю, – сказала Элли. Она наполнила кружку водой и, поспешив обратно к Сифу, сунула её ему в руки, адохлую крысу бережно вернула на полку.

– Эти эксперименты по-настоящему интересны...

– Ещё, – сказал Сиф.

Элли недоверчиво вытаращиалась на пустую кружку.

– Как ты так быстро всё выпил?

Сиф просто смотрел на неё.

– Это ты, – сказал он. – Ты была там сегодня утром. На крыше.

– Ну конечно, была, – с досадой отозвалась Элли. Как он мог забыть о том, что она спасла его, когда он погибал от удушья внутри кита?

– Ты спасла мою жизнь, – сказал он и взял руку Элли в свои ладони. – Спасибо тебе... Элли?

Элли кивнула, а затем всё внутри у неё перевернулось, потому что Сиф резко потянул её вперёд, так что его губы оказались у самого её уха.

– Элли, мне нужно уплыть с этого острова, – зашептал он. – Все, похоже, жаждут убить меня, и, если честно, я не думаю, что смогу остановить их всех.

– Тебе никого из них не остановить, – заявила она, грубо отпихнув его. Она чересчур рисковала, пытаясь спасти этого мальчишку. Он был словно полудиким и совершенно непредсказуемым. – И из Города тебе тоже не выбраться.

– Почему нет?

– Потому что деваться больше некуда.

– Но должны же быть другие города.

– Другие города? – в изумлении повторила Элли, отступив от него подальше. – Ну, разумеется, нет никаких других городов! Есть только Город.

В доказательство своих слов она ткнула в выцветшую и пожелтевшую карту, приколотую к стене. Один огромный иззубренный силуэт занимал треть листа. Надпись гласила просто: ГОРОД.

– А название у него есть? – спросил Сиф.

– Может, оно и было тысячи лет тому назад. Он тогда был намного, намного больше. Большая его часть теперь под водой.

– А как же эти? – сказал Сиф, указывая на россыпь других контуров поменьше вокруг него.

– Это землепашеские и охотничьи острова, – сказала Элли.

– Ну тогда я мог бы жить на одном из них. Готов поспорить, я отлично охочусь.

– Ты и дня там не протянешь. К тому же на землепашеских островах живут только землепашцы, и они будут страшиться тебя не меньше, чем здешний люд.

Сиф, прищурившись, разглядывал карту.

– Вы получаете всю пищу с этих крохотных островков?! Но на той площади были тысячи людей.

– По большей части продовольствием Город снабжают властители китов. У них есть огромные корабли, с которых ловят рыбу и охотятся на китов. А это значит, что у них огромная власть. Они фактически управляют Городом.

– Те люди, что посадили меня в клетку... это были властители китов?

Элли покачала головой.

– Это были инквизиторы. Они оберегают Город от Врага. Они-то по-настоящему и правят в Городе, хотя мы их нечасто видим. Ну, нечасто видели. Что такое?

Сиф схватился руками за голову и заскрежетал зубами.

– Этот шум. – Он огляделся по сторонам. – Откуда он исходит?

Элли нахмурилась.

– Какой шум?

– Этот шум, – повторил он, глядя на неё круглыми глаза-

ми. Он указал на потолок. – Послушай, вот накатывает и отступает. Что это?

– А на что оно похоже? – неуверенно проговорила Элли.

– Как будто... голос. Голос, который что-то кричит, вот только я не могу разобрать слов. Ты же слышишь его, да?

Элли прислушалась, но она слышала только тишину. Она состроила виноватую гримаску.

– Нет... Э... Сиф, а ты говорил Инквизиторам, что ты слышишь этот голос?

– Что? Нет. Не думаю. Может быть. Я не особо хорошо помню. Большую часть времени... – на лице его промелькнул стыд, – они били меня.

Воспоминания, казалось, захлестнули его.

– Тот однорукий. Он БИЛ меня! – взревел он, и тело его содрогнулось от гнева.

Элли схватила его под локоть и дёрнула.

– Замолкни, – прошипела она, косясь на дверь. – Из-за тебя нас обоих схватят!

– Мне необходимо выбираться отсюда, – сказал Сиф. – Сейчас же. – Он бросился к двери, но смог сделать только три стремительных шага, а затем полетел. – Уф!

– Тише!

Сиф схватился за ступню, а когда он приподнял её, на подошве можно было разглядеть кровоточащий порез. Он подобрал с пола зазубренную металлическую стружку, с одного конца теперь поблёскивающую кровью, и возмущённо огля-

дел всю мастерскую.

– Ты когда-нибудь прибираешься? – спросил он, указывая на скомканное платье, всё в подтёках краски. Эллины одежды были раскиданы тут и там вперемешку с полупустыми стаканами воды, чашками чая, апельсиновыми шкурками и яблочными очистками. Он посмотрел на лежавший неподалёку лист бумаги. На лежавшую на нём угольную палочку уже успели наступить, и мелкая угольная пыль была размазана по половицам. – Как ты можешь жить в таком беспорядке?

– Послушай меня, они убьют тебя, если выйдешь отсюда. Сиф замер.

– Потому что я «Сосуд», – проговорил он, припоминая. Он присел на край верстака, осматривая порез на ноге. – Они сказали, что внутри меня Враг. Кто такой Враг?

Элли вздохнула.

– Последний из богов.

– А что случилось со всеми остальными?

– Они затопили мир, – сказала Элли. – Однако Враг обманул их, и вышло так, что и сами они утонули. Город – это всё, что осталось. Он был построен на одной из самых высоких горных вершин – и только она и торчит над водой.

– И где же тогда Враг? – спросил Сиф.

– Когда как. – Элли прислонилась к книжному шкафу. – Иногда он витает в воздухе, как безвредный дух. Но рано или поздно он выбирает себе Сосуд. И тогда он живёт

в сознании Сосуда, делаясь всё сильнее и сильнее, пока не станет настолько сильным, что сможет вырваться из Сосуда, воплотившись в свою подлинную форму. Это называется «претворением».

– И на что это похоже? – спросил Сиф.

Элли пожала плечами.

– Я никогда этого не видела – последний раз это произошло двадцать три года тому назад. Но, очевидно, подлинная форма Врага ужасающа – сильнее десятка мужчин и намного, намного быстрее. Вот поэтому Инквизиторы пытаются отыскать и убить Сосуд прежде, чем Враг может претвориться. А если оному удаётся претвориться, Инквизиторам придётся уничтожить самого онного. Но прежде онный обычно успевает перебить множество народу. Тот, кто одержит над онным верх, делается святым после своей смерти.

– А что происходит с Врагом?

Элли снова пожала плечами.

– Никто доподлинно не знает. Онный на время исчезает. Иногда проходит много лет. Но рано или поздно онный возвращается.

– Значит, они считают, что у меня внутри этот самый Враг, – промолвил Сиф, прижав ладонь к сердцу. И впервые он, казалось, растерял часть своей самоуверенности. – Так вот почему все эти люди были так счастливы, ожидая увидеть, как я умру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.